

Алёна Голубева

Арианна и Дракон

<https://litres.ru/74195564>

SelfPub; 2026

Аннотация

Юная Арианна читает книгу о драконах, магии и мече, случайно произносит странные слова вслух и оказывается в другом мире. Она узнаёт, что у неё есть силы, встречается Верховного мага Джона Боримора, становится его ученицей, сражается с тьмой, которая окутала тот мир, спасает дракона, и в конце этот дракон признаёт её истинной хозяйкой, так как она является пропавшей дочерью Верховного мага Джона Боримора.

Алёна Голубева

Арианна и Дракон

Алёна Голубь
Арианна и Дракон

Глава 1. Слова из старой книги

За окном снова моросило.

Арианна сидела на подоконнике, подтянув колени к груди, и смотрела, как капли скользят по стеклу — каждая прокладывает свой путь, обгоняет, сливается с другой, исчезает. Петербург в октябре умел быть красивым именно так: серо, влажно, немного тоскливо — и в этой тоске было что-то почти уютное, если за стеклом, а не под ним. На коленях лежала книга.

Не новая — она нашла её три недели назад на развале у Сенной, среди стопок советских детективов и учебников по бухгалтерии. Переплёт потёртый, тёмно-зелёный, с тиснением, которое уже почти стёрлось, но если провести пальцем — угадывались крылья. Большие. Распахнутые. Название на обложке было, но почти нечитаемое: что-то вроде «О природе огненных существ и мирах, лежащих за краем». Продавец запросил двадцать рублей и посмотрел на неё так, будто оказывал одолжение.

Она купила, не раздумывая. Внутри оказалось именно то,

что она любила: длинные, чуть старомодные описания существ, которых не бывает; карты земель, которых нет; рассуждения о том, как устроена магия в мирах, где она — не метафора, а вещество, разлитое в воздухе. Читать это было примерно как пить горячий чай в такой вот октябрьский вечер: бессмысленно с практической точки зрения и совершенно необходимо.

Арианна перевернула страницу.

Дракон не выбирает хозяина из соображений силы или выгоды, — было написано там старым, чуть выцветшим шрифтом. — *Он читает кровь. Кровь говорит правду, которую не умеет сказать ни один язык. Поэтому с древних времён говорили: встреча с драконом — это встреча с собственной сутью. Он увидит тебя насквозь. Вопрос лишь в том, понравится ли ему то, что он найдёт.*

Она прочла вслух — просто потому что так лучше думалось. Голос в пустой комнате звучал иначе, чем в голове. Объёмнее, что ли.

— Встреча с собственной сутью, — повторила Арианна и хмыкнула. — Ну, это я всегда пожалуйста.

За стеной что-то звякнуло — мама возилась на кухне. Пахло жареным луком и, кажется, котлетами. Обычный вечер. Самый обычный.

Она перевернула ещё несколько страниц, скользя взглядом по иллюстрациям — тонкие, почти акварельные линии, драконы в полёте, города на скалах, башни с огоньками в

окнах. Художник явно знал, что рисует. Или очень хорошо притворялся, что знает.

А потом страницы кончились — и началось что-то другое.

Арианна не сразу это заметила. Сначала просто почувствовала, что шрифт изменился: стал меньше, гуще, как будто написан другой рукой. Потом — что буквы не совсем те. Не совсем русские. Не совсем вообще буквы из какого-либо алфавита, который она знала.

Она наклонилась ближе.

Страница была заполнена сверху донизу — плотными строками, ровными, без помарок. Символы повторялись, складывались в ритм, почти угадывалась структура. Как стихи. Или как... что-то, что притворяется стихами.

— Что за...

Она провела пальцем по строке. Бумага была чуть теплее остальных страниц — или ей показалось.

В голове что-то щёлкнуло. Не мысль — скорее желание. Дурацкое, беспричинное: *произнеси это вслух*. Как иногда хочется прочитать вслух красивую фразу на иностранном языке, не зная значения, — просто потому что на вкус она кажется правильной.

Арианна знала, что это нелепо.

Она всё равно начала читать.

Сначала тихо — почти шёпотом, нащупывая ритм. Слоги ложились странно, не так, как привыкло горло, но в них был порядок — она чувствовала его, как чувствуют такт незна-

комой мелодии: не умом, а каким-то другим местом. Слова тянулись одно за другим, и с каждым следующим голос становился чуть увереннее, чуть громче.

За окном капля сползла по стеклу и замерла на половине пути.

Арианна не заметила.

Она читала — строку за строкой, страницу за страницей, и в комнате становилось тише, хотя с кухни по-прежнему доносился звук сковороды, и на улице шумели машины, и всё было как всегда. Только воздух как-то изменился. Стал гуще. Плотнее. Как перед грозой, когда давление падает и в ушах появляется лёгкий звон.

Последняя строка была короткой.

Три слова — или что-то похожее на три слова.

Арианна произнесла их.

И ничего не произошло.

Секунда. Две.

Она моргнула, чуть смущённо улыбнулась самой себе — ну да, разумеется, ничего. Что и должно было случиться, когда восемнадцатилетняя девица читает вслух непонятные символы из книги с барахолки, сидя на петербургском подоконнике в октябре. Абсолютно ничего.

Книга была всё ещё тёплой в руках.

Арианна посмотрела на страницу — и там, где только что были ровные строки символов, теперь было пусто. Совершенно чистый лист. Будто слова ушли куда-то. Будто она их

выговорила — и они перестали нуждаться в бумаге.

— Окей, — сказала она вслух. — Это странно.

* * *

Книга упала сама.

Арианна даже не поняла как — только что держала в руках, чувствовала под пальцами прохладную шершавость старой обложки, и вдруг ничего. Глухой удар о пол, потом тишина, а потом — воздух в комнате вздрогнул. Именно так, по-другому не скажешь: не качнулся, не колыхнулся, а вздрогнул, как человек, которого окликнули по имени в ночи.

Арианна посмотрела на книгу.

Страницы листались сами по себе — медленно, почти торжественно, — пока не замерли на какой-то странице в середине. Ни ветра. Окно закрыто. Форточка тоже. Арианна сидела на диване и смотрела на эту странную картину, и единственной мыслью, которая у неё в голове оформилась, была совершенно нелепая: *мама будет ругаться, если я уронию книгу ещё раз*.

Потом перед ней появился свет.

Сначала — точка, бледная и почти незаметная, как первая звезда после заката, когда ещё не понимаешь, звезда это или просто устали глаза. Потом точка начала расти. Вытянулась вверх, потом вширь, и через несколько секунд перед диваном — прямо там, где обычно лежал мятый плед, который Арианна всё время забывала убрать, — висел светящийся

овал.

Он был, если честно, красивым.

Не пугающим — никакого мерцания, никакого гудения, никакого ощущения опасности. Просто свет, тёплый и какой-то живой, с краями, которые чуть подрагивали, как отражение в спокойной воде. И запах — Арианна потянула носом и не сразу смогла опознать его. Хвоя. Что-то влажное и земляное, как лес после дождя. И ещё что-то — незнакомое, сладковатое, ни на что не похожее, что она когда-либо чувствовала в Петербурге.

— Что за... — начала она и замолчала.

Потому что слова заканчивались раньше, чем начинались.

Арианна медленно встала с дивана. Ноги коснулись холодного пола — она не надела тапки, когда шла за книгой, и сейчас это почему-то казалось важным. Маленькая конкретная деталь в мире, который внезапно перестал подчиняться правилам. Холодный пол. Это настоящее. Она живая. Всё нормально.

Свет никуда не делся.

Она сделала шаг к нему. Потом ещё один. Остановилась в двух метрах и просто смотрела, как мерцают края овала, как сквозь него — сквозь него, это было очевидно, — угадывается что-то зелёное. Деревья? Она прищурилась. Точно деревья. Высокие, незнакомые, с корой другого цвета.

Это не может быть настоящим, — сказала она себе. Совершенно спокойно, как будто подводила итог несложного

уравнения. *Галлюцинация. Задремала над книгой. Сейчас моргну — и всё пройдёт.*

Она моргнула.

Портал никуда не делся. Запах хвои стал гуще, и где-то в глубине этого зелёного, за деревьями, мелькнула птица — или что-то похожее на птицу, — и скрылась.

Арианна не была человеком, который долго стоит на пороге. Это было её главной проблемой в жизни, о которой ей говорили примерно все: мама, классная руководительница, подруга Катька, — что она прыгает раньше, чем смотрит. Что надо сначала думать, потом делать. Что однажды это выйдет ей боком.

Она сделала шаг вперёд.

Свет принял её легко, без сопротивления, как вода принимает камень — только не с тяжестью падения, а с каким-то тихим согласием. Одну секунду она чувствовала под ногами пол своей комнаты, тёплый коврик у дивана, а потом — ничего. Только свет. Он был везде, этот свет, он был внутри и снаружи одновременно, и у него не было температуры — ни холод, ни жар, просто присутствие, полное и абсолютное.

Арианна успела подумать, что нужно было хотя бы обуться.

А потом за её спиной что-то хлопнуло.

Тихо, почти нежно — как закрывается дверь, когда кто-то не хочет будить спящих в доме. Она обернулась — инстинктивно, — но оборачиваться было уже некуда и не к чему. По-

зади не было ничего. Только свет, а потом и свет кончился.

* * *

Она лежала на спине.

Трава под ней была мягкой — не так, как газонная трава в Петербурге, подстриженная и чуть жёсткая, а именно мягкой, почти как ткань, будто кто-то специально постелил зелёную подстилку и ждал её появления. Это несоответствие — такая нелепая, бытовая деталь — почему-то дошла до сознания первой. Не двойное небо над головой. Не тишина, в которой не было ни одного знакомого звука. Именно трава.

Арианна моргнула.

Небо светлело где-то на западе — или на западе? Откуда ей знать, где здесь запад — бледно-серое, с первыми синими разводами наступающих сумерек. И в этом небе висели две луны. Не одна. Две. Одна чуть побольше, чётко различимая, бледная, почти прозрачная, как монета за слоем папиросной бумаги. Вторая — совсем маленькая, едва заметная, скорее угадываемая, чем видимая.

Арианна смотрела на них долго.

Потом закрыла глаза. Потом снова открыла. Луны никуда не делись.

— Хорошо, — произнесла она вслух, просто чтобы услышать собственный голос. Голос прозвучал тихо, немного хрипло и совершенно не уверенно.

Запах она почувствовала чуть позже — когда первый шок немного отступил и дышать стало чуть легче. Воздух пах

иначе. Не плохо — просто иначе. Гуще, что ли. Как будто он был насыщен чем-то, чего воздух в Петербурге принципиально не содержал. Смола — это точно, что-то хвойное и тёплое, хотя никаких хвойных деревьев поблизости видно не было. И ещё цветочное — не духи, не мыло, а именно настоящее, живое, исходящее, кажется, прямо из земли под ней. Что-то сладкое и чуть терпкое одновременно, как если бы кто-то смешал мёд с корой дерева.

Она глубоко вдохнула. Ещё раз.

Лёгкие как будто не понимали, что с этим делать — слишком много всего сразу.

Арианна осторожно приподнялась и села.

Лес окружал её со всех сторон — деревья высокие, с широкими тёмными стволами, кроны уходили вверх так далеко, что отдельных листьев уже не различить. Между стволами лежал синеватый полусвет — не темень, но и не день. Сумерки здесь казались более плотными, почти материальными, как будто воздух между деревьями слегка светился сам по себе. Или это глаза после портала так видят. Портала. Она всё-таки прошла через портал.

Арианна зажмурилась и потрясла головой.

Лес был живым. Это сразу ощущалось — не пустым, не мёртвым, а именно живым, в каждом смысле этого слова. Где-то высоко, в невидимых кронах, перекликались птицы — голоса незнакомые, не воробьи и не вороны, что-то мелодичное и одновременно чуть тревожное, как вопроситель-

ный знак, поставленный звуком. Чуть дальше — треск ветки. Потом ещё раз. Потом тишина.

Она резко обернулась в ту сторону.

Ничего. Только деревья и синий полусвет между ними.

— Просто ветка, — сказала она себе. Вслух, снова. Потому что молчать было хуже.

Руки. Она заметила, что руки трясутся, только когда опустила взгляд. Мелко, почти неуловимо — не от холода, потому что холода не было, воздух был тёплым, почти летним — а просто так, от внутреннего, не успевшего никуда выйти напряжения. Она смотрела на свои пальцы, на дрожащие руки, на то, как под кожей на запястье видна жилка — живая, пульсирующая, совершенно настоящая. Это успокаивало. Не сильно, но немного. Она жива. Это уже что-то.

Арианна перевела взгляд обратно на небо.

Две луны смотрели на неё — спокойно, без осуждения, с той равнодушной отстранённостью, с которой небо смотрит на всё и всегда. Первая луна стала чуть ярче — сумерки сгущались. Вторая по-прежнему едва угадывалась, маленькое бледное пятно, скорее намёк, чем предмет.

Она подумала о маме. Коротко, почти случайно — мелькнуло и ушло, потому что если думать об этом по-настоящему, то не встать. Подумала о книге, которую держала в руках — где она теперь? В комнате, на полу, там, где упала? Или исчезла вместе с порталом? Подумала о словах, которые произнесла вслух — странные, незнакомые слова, которые

показались ей просто красивыми.

Красивыми. Надо же.

Она снова посмотрела на руки. Они всё ещё дрожали, но чуть меньше.

Откуда-то справа долетел звук — птица с совершенно невозможным голосом, высоким и переливчатым, почти музыкальным. Арианна невольно обернулась, но птицы не увидела. Только ветки. Только синеватый живой воздух между деревьями.

Она медленно выдохнула.

Потом — потому что надо было что-то сказать, хоть что-то, чтобы мозг не начал разбираться в ситуации по-настоящему и не устроил ей истерику прямо здесь, на мягкой незнакомой траве — произнесла тихо и почти спокойно:

— Ну и ладно. Хуже уже не будет.

Луны висели над ней молча. Лес шуршал и дышал. Птица с невозможным голосом свистнула ещё раз и затихла.

Арианна сидела на траве в незнакомом лесу под двойным небом и ждала, пока руки перестанут дрожать.

* * *

Ноги слушались плохо — как после долгого сидения на холодном полу, когда суставы деревянеют и не хотят разгибаться. Арианна сделала первый шаг, потом второй, цепляясь взглядом за всё подряд: корень, торчащий из земли, пучок мха на камне, полоска неба между кронами.

Деревья вокруг были высокими. Не просто высокими —

они уходили вверх так, что шея затекала смотреть. Кора у них была серебристой, почти перламутровой, и в пасмурный день она словно ловила свет сама по себе, без солнца. Арианна остановилась и положила ладонь на ствол ближайшего. Кора оказалась гладкой и чуть прохладной — не холодной, а именно прохладной, как запястье человека, который только что вошёл с улицы.

Никаких таких деревьев в России не было. Она не была ботаником, но это знала точно.

Ладно. Хорошо. Значит, не Россия.

Она двинулась дальше, стараясь ступать ровно и не смотреть под ноги слишком часто — какая-то детская примета, будто если смотришь вниз, становишься слабее. Лес расступался медленно, деревья стояли не густо, и между ними было достаточно пространства, чтобы видеть на несколько шагов вперёд.

Потом она заметила свет.

Не пятно света — именно свет как качество. Воздух здесь был другим: мягче, что ли. Рассеянное. Там, откуда она пришла — в смысле в реальной жизни, в Петербурге — даже в хороший день свет резал глаза, бил в окна, отражался от луж, от машин, от стекла. Здесь он как будто жил в воздухе сам по себе, без источника. Не светился в прямом смысле — но и не требовал солнца.

Арианна остановилась и медленно огляделась.

Между деревьями не было теней. То есть — были, но сла-

бые, почти невесомые, словно кто-то нарисовал их акварелью и поленился растушевать. Листья наверху двигались от ветра, но тени от них не металась по земле, как это должно быть. Просто покачивались вместе с ветками, спокойно и неправдоподобно красиво.

Она почувствовала что-то похожее на головокружение — не физическое, а то, которое бывает, когда смотришь слишком долго на оптическую иллюзию и понимаешь, что мозг отказывается складывать картинку правильно.

Книга.

Она сама не поняла, как начала вспоминать. Просто вдруг перед глазами встали страницы — желтоватые, с неровными краями, пахнущие чуть затхло и почему-то лавандой. Страницы с символами, которые она читала вслух час назад. Или сто лет назад. Непонятно.

Слова были странными — она это помнила. Не похожими ни на один язык, который она учила или хотя бы слышала. Но читались легко, почти сами по себе, как будто рот знал, как их произносить, даже если голова не понимала что.

Она попробовала их восстановить.

Первый слог — что-то на «а», долгое. Потом шипящее. Потом... нет. Нет, дальше уже не складывалось. Символы стояли перед глазами отчётливо — угловатые, с хвостиками и петлями, непохожие на кириллицу и на латиницу одновременно — но стоило потянуться к звуку, он ускользал. Как бывает со словом, которое вертится на языке и никак не вы-

говаривается.

Арианна тихо выругалась.

Хотя — что бы это дало? Даже если она вспомнит слова — что, портал откроется обратно? В другую сторону? Она понятия не имела, как это работает. Книга была у неё в руках, когда всё началось, но она не помнила, что с ней стало потом. Осталась там? Упала сюда? Она оглянулась — нет, на земле ничего не лежало.

Просто лес. Серебристые деревья. Станный мягкий свет.

Она прошла ещё несколько шагов, огибая крупный корень, и вдруг остановилась.

Звук пришёл издалека — не резкий, не громкий. Что-то среднее между стоном и шорохом, как если бы кто-то пытался сказать что-то сквозь сон и у него не получалось. Потом стихло. Потом снова — уже чуть отчётливее, но всё равно на грани слышимого.

Арианна не двигалась.

Зверь? Человек? Ветер в каких-нибудь особенных ветках? Она не знала. Петербург — это не лес, она никогда особо не разбиралась в лесных звуках. В городе всё проще: машина, собака, сосед за стеной. Здесь — непонятно.

Она прислушалась. Тишина была плотной, почти ощутимой — не неприятной, а именно плотной, как хорошая тишина в библиотеке. И в этой тишине звук повторился в третий раз. Где-то левее, дальше, туда, где деревья стояли гуще. Сердце поскучнело.

Она могла развернуться. Пойти в другую сторону. Поискать выход из леса там, где точно ничего не стонет и не шуршит непонятным образом.

Но стоять на месте было страшнее.

Не в том смысле, что страх был сильнее любопытства — скорее, в том смысле, что она уже стояла на месте достаточно долго. Пришла в себя. Огляделась. Убедилась, что не умерла. Теперь надо было что-то делать, а единственный ориентир, который у неё был — это непонятный звук левее, дальше, туда.

Значит, туда.

Арианна поправила куртку, которая успела перекрутиться на плечах, и пошла — медленно, стараясь не шуметь больше необходимого. Листья под ногами были мягкими и почти не хрустели. Серебристые стволы плыли мимо. Мягкий воздух не давил и не мешал.

Она не знала, что там. Она не знала вообще ничего.

Но чем дольше она шла, тем яснее понимала одно: этот лес не казался враждебным. Станным — да. Непонятным — да. Но не враждебным. Здесь не было того ощущения, которое бывает в плохих местах — того тихого, животного «уходи». Здесь было что-то другое. Почти приглашающее.

Или это она себя успокаивала. Тоже вариант.

Звук повторился — уже ближе.

* * *

Белое пятно она заметила не сразу.

Сначала — движение. Вернее, не движение, а его отсутствие там, где что-то явно должно было двигаться. Слишком крупная тень за кустарником, слишком плотная, слишком неправильная для дерева или камня.

Арианна остановилась.

Ноги сами по себе вкопались в мягкую землю, и она поняла, что стоит и смотрит — на белое, тяжёлое, неподвижное. За переплетением ветвей угадывались очертания чего-то большого. Не просто большого — *огромного*. Она прикинула мысленно: с её Гришку-дворника, что зимой расчищал снег у соседнего дома, точно не ошибётся, нет — больше, раза в три.

Дышало.

Это она расслышала раньше, чем успела сообразить, что именно слышит. Глубокое, медленное, с хрипотцой — как у кого-то, кому дышать больно, но дышать нужно, и он дышит, потому что деваться некуда.

Арианна почти уже приняла решение уйти. Почти.

Она сделала шаг влево, обходя густой куст, и ветки мягко отошли под рукой — нехотя, как занавеска, отодвинутая в сторону.

Существо лежало на боку.

Она не сразу поняла, что видит, — мозг просто отказался сложить детали в целое, как бывает, когда смотришь на объёмную картинку-стереограмму и никак не можешь поймать фокус. Белое. Крылья — сложенные, одно неловко подвёр-

нуто под себя. Чешуя, переливающаяся даже в этом рассеянном лесном свете. Хвост, уходящий куда-то в папоротники.

Голова лежала прямо перед ней — размером примерно с небольшой холодильник.

Арианна не закричала. Позже она сама себе этому удивится, но сейчас — просто не закричала. Не потому что была смелой или хладнокровной. Просто у неё перехватило горло, и слова куда-то делись вместе с воздухом.

Существо было живым. И существо было явно *нездоровым* — она видела, как слишком напряжённо поднимается и опускается его бок, как крыло лежит неправильно, под таким углом, под которым крылу лежать не следует.

Она сделала шаг назад.

Ветка хрустнула под каблуком.

Существо открыло глаз.

Один. Огромный, с вертикальным зрачком — и такой светлый, почти прозрачный, что Арианна видела в нём что-то похожее на отражение собственного растерянного лица. Оно смотрело на неё без рывка, без попытки поднять голову. Просто — смотрело. С той самой усталостью, какую она иногда видела у больных людей: когда сил нет даже на страх.

Секунда.

Две.

Три.

Арианна осознала, что стоит, держась обеими руками за ветку куста, как за поручень, и не дышит.

*Ну и что ты будешь делать? — спросила она себя с той внутренней интонацией, которую обычно приберегала для особо безнадёжных ситуаций. — *Оно же огромное. Оно больное. И оно смотрит на тебя.*

Надо уйти. Логика говорила «уйди» совершенно отчётливо. Даже не уйди — убеги. Развернись и иди обратно в лес, туда, где нет ничего с крыльями и вертикальными зрачками размером с её кулак.

Арианна сделала шаг вперёд.

Не потому что решила. Просто ноги шагнули раньше, чем она успела с ними договориться, — и она уже стояла ближе, в метре от огромной головы, и существо всё так же смотрело на неё одним светлым глазом, и в этом взгляде не было агрессии. Не было — она могла поклясться, хотя понятия не имела, как вообще читать выражения у существ с чешуёй. Просто усталость. Просто ожидание.

Чего оно ждёт?

Она опустилась на колени. Земля под ними оказалась влажной и мягкой, трава тут же намочила джинсы — Арианна машинально подумала, что это некстати, и тут же выкинула эту мысль как совершенно дурацкую в сложившихся обстоятельствах.

— Привет, — сказала она тихо. — Ты... в порядке?

Вопрос был идиотским. Очевидно, что нет. Но она не знала, что ещё говорить, а молчать было хуже.

Существо не ответило. Только моргнуло — медленно, как

мигает фонарь с севшей батареейкой.

Арианна протянула руку.

Она сама не понимала, зачем. Это было иррациональное, почти детское движение — как тянешься погладить кота, который смотрит на тебя с забора, даже не зная, кусается ли он. Рука двигалась сама, и Арианна только смотрела на неё немного растерянно.

Пальцы остановились в нескольких сантиметрах от чешуи.

И тогда она почувствовала тепло.

Не от существа — хотя от него тоже исходило тепло, живое и глубокое. Тепло появилось в её собственной ладони. Само. Изнутри — как если бы кто-то поднёс к внутренней стороне запястья маленький уголёк и держал его там, ровно и настойчиво.

Арианна замерла.

Тепло не жгло. Оно просто было — ровное, пульсирующее, странно знакомое, как будто она уже однажды чувствовала что-то похожее и просто забыла когда.

Существо чуть сдвинулось. Совсем немного — едва заметно повернуло голову навстречу её руке. Не агрессивно. Скорее — как тянется к свету.

Арианна выдохнула.

Она опустила ладонь на чешую — осторожно, как кладут руку на что-то хрупкое, хотя существо было, очевидно, всем чем угодно, кроме хрупкого. Чешуя оказалась неожиданно

тёплой и гладкой, с едва уловимой текстурой — как речная галька, нагретая летним солнцем.

Тепло в ладони стало чуть сильнее.

Арианна сидела на коленях в мокрой траве, в незнакомом лесу, в мире, куда её занесло из питерской квартиры с томиком про драконов, — и гладила что-то белое, огромное, с крыльями. И единственное, что она думала в этот момент, было странно простым:

Оно живое. И оно позволяет мне здесь быть.

Где-то в кронах деревьев прошелестел ветер. Существо закрыло глаз — и дыхание его стало чуть ровнее. Самую малость. Едва заметно.

Арианна убирать руку не стала.

Глава 2. Королевство, которого нет на картах

Подошва кроссовки снова зацепилась за корень — Арианна едва успела схватиться за ближайшую ветку, ободрав ладонь о шершавую кору. Выругалась шёпотом. Потом спохватилась и оглянулась — рефлекс большого города, привычка не нарываться на чужое внимание. Но вокруг был только лес.

Только лес — и больше ничего привычного.

Она брела уже, наверное, час. Или два. Телефон она вчера оставила заряжаться дома, так что точного времени не знала, а солнце здесь вело себя как-то иначе — стояло высоко и чуть левее, чем должно было бы стоять над питерским двориком в апреле. Хотя какой апрель. Какой дворик.

Лес был густой, влажный, пахнувший совсем не тем, чем

пахнут питерские парки — там асфальт, выхлопы, иногда река. Здесь тянуло землёй, мхом и ещё чем-то сладким, немного медовым — то ли цветок, то ли трава, то ли что-то вообще не имеющее русского названия. Арианна попыталась вспомнить, как называются растения с белыми гроздьями — черёмуха? Бузина? — и решила, что это не имеет никакого значения.

Ветки цеплялись за капюшон. Куртка промокла до пояса от высокой травы. Правая нога ныла в районе щиколотки — она подвернула её почти сразу, как вышла из того странного светящегося места, которое пока называла про себя «дырой». Просто чтобы не думать о других словах.

Она не думала о книге. Почти.

Арианна перешагнула через поваленное дерево, морщась от боли, и встала на секунду, прислонившись к стволу живой сосны. Сосна — это точно сосна, вот это она знала. Кора рыжеватая, смолистая, тёплая на ощупь даже сквозь ободранную ладонь. Хоть что-то знакомое.

Отдышалась. Посмотрела вверх: кроны качались, между листьями проглядывало небо — синее, такое синее, что смотреть было почти больно. Хорошее небо. Невыносимо красивое небо для ситуации, в которой она оказалась.

— Отлично, — пробормотала она. — Просто отлично.

Никто не ответил. Птица что-то крикнула вдали и замолчала.

Арианна двинулась дальше.

Деревья стояли плотно, то и дело приходилось протискиваться боком, и она успела возненавидеть свой капюшон, который цеплялся за всё подряд. Свет между стволами казался одинаковым со всех сторон — попробуй пойми, где восток, где запад. В городе она никогда особо не умела ориентироваться по солнцу. В лесу тем более.

И всё же — просвет.

Сначала она не сразу поняла, что видит его. Просто где-то впереди деревья как будто расступились, стало светлее, золотистее. Арианна остановилась, сощурилась. Точно — просвет. Опушка или что-то вроде того.

А потом — звук.

Низкий, тягучий, далёкий. Она прислушалась, затаив дыхание. Колокол. Или нет — скорее мычание, долгое, недовольное, коровье. А за ним — едва различимо — что-то ещё. Голоса? Стук?

Живые люди. Где-то там — живые люди.

Арианна пошла быстрее, уже не разбирая, куда ступает, и вышла на опушку почти неожиданно для самой себя — лес просто закончился, и она встала как вкопанная.

Перед ней лежала деревня.

Дома — низкие, с соломенными крышами, потемневшими от дождей. Огороды, аккуратно огороженные жердями. Над трубами — дымки, лёгкие, почти прозрачные на фоне неба. Дорога — грязноватая, утоптанная — ныряла между домами и терялась где-то за пригорком. Вдоль забора сох-

ло что-то белое, льняное. У колодца стояла женщина с коромыслом.

Арианна смотрела и не могла сдвинуться с места.

Это было красиво. Даже не красиво — правильно как-то. Как открытка или иллюстрация из книги — из той самой, будь она проклята. Деревня будто выросла из этого пейзажа сама собой, без усилий, и небо над ней было такое же синее, и воздух пах навозом, и свежим хлебом, и дымом, и ещё чем-то неуловимым, деревенским — тем устойчивым запахом жизни, который ни с чем не перепутаешь.

Не Россия. Совсем не Россия — ни одна деревня Ленинградской области так не выглядит, она бывала там с классом на экскурсии, помнила. Там заборы из рабицы и брошенные комбайны. Здесь — ни проводов, ни столбов, ни асфальта. Ничего современного вообще.

Арианна медленно опустила взгляд на свои ноги. Кроссовки. Джинсы. Куртка с молнией. Застёжка-молния.

У неё на куртке — застёжка-молния.

Она почти засмеялась. Удержалась. Вместо этого глубоко вдохнула — навоз и хлеб, всё реально, всё настоящее — и медленно выдохнула.

Это не сон. Сны не пахнут навозом. И в снах щиколотка не ноет так противно, монотонно, на каждом шаге.

Значит, не сон.

Женщина у колодца подняла голову и посмотрела в сторону опушки. Арианна не шелохнулась — стояла на краю леса,

наполовину скрытая тенью, и смотрела на деревню, а деревня — на неё. Или пока только одна женщина с коромыслом.

Арианна сделала шаг вперёд. Потом ещё один.

Ладно. Ноги болят. Есть хочется. Телефона нет. Карты нет. Языка — неизвестно. Зато есть деревня, и в деревне есть люди, а люди — это уже что-то.

Хуже уже не будет.

Она поправила капюшон — привычный жест, бессмысленный — и пошла к деревне.

* * *

Деревня открылась неожиданно — за поворотом просёлочной дороги, словно кто-то нарочно спрятал её за последним рядом елей. Несколько домов с тростниковыми крышами, плетень, колодец с деревянным воротом, телега у амбара. Всё это выглядело как декорация к историческому фильму, только запах был настоящий — навоз, дым, свежий хлеб откуда-то издалека.

Арианна остановилась на краю деревни и неловко переступила с ноги на ногу.

Крестьяне её уже заметили. Женщина в льняном переднике застыла с коромыслом на плечах. Двое мужчин у плетня замолчали на полуслове. Мальчик лет семи разинул рот и не закрывал его довольно долго. Все смотрели одинаково — с той особенной смесью настороженности и замешательства, с которой смотрят на что-то, что явно не вписывается в привычный порядок вещей.

Арианна попробовала улыбнуться. Получилось, судя по реакции, не очень убедительно.

Хорошо. Значит, деревня. Живые люди. Это уже что-то.

Она сделала шаг вперёд, и коромысло у женщины качнулось.

— Добрый день, — сказала Арианна по-русски, почти рефлекторно. — Не подскажите, где я нахожусь?

Тишина.

Женщина с коромыслом смотрела на неё так, будто с неба упала не девушка в джинсах и демисезонной куртке, а, например, говорящая рыба.

— Я не опасная, — добавила Арианна, чуть тише, хотя прекрасно понимала, что это не помогает.

Тишина стала гуще.

Арианна обвела взглядом деревню. Она понимала, что сейчас выглядит либо сумасшедшей, либо очень подозрительным чужаком — а скорее всего и тем, и другим. Джинсы здесь, судя по льняным рубашам и домотканым юбкам, явно не были в моде. Если вообще когда-нибудь были.

Она попробовала иначе. Поднесла ладони к щекам — жест «я потерялась». Потом изобразила ходьбу пальцами по запястью. Потом просто неопределённо показала рукой куда-то в сторону леса, откуда пришла.

Женщина с коромыслом медленно, очень аккуратно, не отводя взгляда от Арианны, поставила вёдра на землю и от-

ступила на шаг.

— Отлично, — пробормотала Арианна себе под нос. — Прекрасно получается.

Тут дёрнули за рукав. Мальчик — тот самый, с открытым ртом — наконец сдвинулся с места и потянул мать за юбку, тыча пальцем куда-то в сторону Арианны. Точнее, не в неё саму, а чуть ниже — в куртку.

Арианна опустила взгляд.

Молния. Обычная металлическая молния на замке куртки. Ничего особенного — для неё. Здесь, судя по всему, это был предмет искреннего изумления. Мальчик тараторил что-то матери, не умолкая, тыкал пальцем, и в его голосе не было страха — только тот азарт, с которым дети указывают на фокусника. Мать цепко ухватила его за плечо и что-то сказала коротко и резко, но взгляд её сам собой снова вернулся к замку куртки.

Арианна машинально потянула бегунок вниз-вверх.

Зрители у плетня одновременно подались назад.

Боятся молнии на куртке. Это было бы смешно, если бы она сама не чувствовала себя при этом как экспонат в музее — стоишь под стеклом, а мимо ходят и переговариваются вполголоса.

— Это просто застёжка, — сказала она беспомощно, — ничего страшного.

Никто, разумеется, её не понял.

Она уже начала прикидывать, не лучше ли просто развер-

нуться и уйти обратно в лес — там хотя бы не смотрели, — когда почувствовала взгляд. Другой. Не настороженный и не испуганный.

У низкого дощатого забора стоял старик. Невысокий, сухой, с руками, перекрещенными на груди. Борода — белая, редкая. Лицо — в глубоких морщинах, как кора старого дерева. Он смотрел на Арианну долго, внимательно, словно читал что-то, написанное мелким шрифтом.

Потом разлепил губы и произнёс несколько слов.

Языка Арианна не узнала. Слова были мягкие, округлые, в них угадывалась какая-то мелодия — но смысла не было. Совсем. Ни одного знакомого звука, за который можно было зацепиться.

Старик произнёс ещё что-то, чуть другим тоном. Не вопрос — скорее наблюдение.

Арианна покачала головой и развела руками — универсальное «я не понимаю».

Старик не отступил и не отвёл взгляд. Кивнул медленно, будто это тоже был ответ — и вполне его устроивший. В его глазах не было страха. Любопытство — да. Что-то ещё, что Арианна не могла назвать точно, но которое было не враждебным.

Она выдохнула.

Значит, не прогоняют. Но и не принимают. Она стояла посреди деревни — ни туда ни сюда, ни своя ни чужая, — и все это прекрасно понимали. Женщина с вёдрами больше

не отступала, но и не подходила. Мужчины у плетня переглянулись и тихо заговорили между собой. Мальчик всё ещё смотрел на куртку с нескрываемым интересом, но мать держала его крепко.

Арианна стояла и чувствовала себя так, как чувствуешь себя на вечеринке, куда тебя позвали не совсем — то есть пришла, все видят, что пришла, но никто не идёт навстречу и не говорит «привет». Запах дыма и прогретого дерева висел в воздухе. Где-то за домами кудахтала курица — сердито и монотонно, будто тоже высказывалась по поводу незваной гостыи.

Только здесь это была не вечеринка. Здесь это был, судя по всему, целый мир.

Ну и ладно, — сказала она себе. *Хуже уже не будет. Наверное.*

Последнее слово она добавила мысленно с особым акцентом, потому что прекрасно понимала: это неправда. Хуже всегда может быть. Просто пока не стало.

Она расправила плечи, поправила рюкзак и осталась стоять там, где стояла. Никуда не уходя.

* * *

Старик что-то сказал — мягко, не требовательно, скорее как вопрос.

Арианна стояла и слушала, как звук его голоса растворяется в воздухе. Слова были незнакомыми. Совсем. Она собиралась уже развести руками — международный жест пол-

ного непонимания, universally agreed upon — но старик не замолкал. Говорил тихо, без раздражения, и вдруг откуда-то из-под слоёв её растерянности всплыло что-то неожиданное.

Одно слово.

Она его поняла.

Не перевела — именно поняла. Как будто оно уже было у неё в голове, просто лежало в каком-то ящике, задвинутом в дальний угол, и вот его случайно задели.

«Лес».

Старик говорил про лес.

Арианна моргнула. Старик сделал паузу, чуть наклонив голову — седую, лохматую, с вросшим в кожу загаром, — и она уловила второе слово. Потом третье. Они приходили не потоком, а по одному, как будто кто-то аккуратно открывал дверцы в её памяти.

Это было странно. Это было очень странно. Это было настолько странно, что она едва не пропустила момент, когда поняла почти всю фразу целиком.

— Ты... — начала она.

Голос вышел хриплым. Она откашлялась, попробовала ещё раз.

— Ты спросил... я потерялась?

Выговорила это на его языке — медленно, с запинкой на каждом слове, как будто шла по льду и проверяла ногой каждый шаг. Акцент был, это она и сама слышала: что-то шло не туда, согласные твердели там, где не должны были, и уда-

рение съезжало. Но слова были его, не её.

Старик замолчал.

Посмотрел на неё так, как смотрят на кошку, которая вдруг заговорила человеческим голосом — без страха, но с очень большим удивлением. Потом медленно кивнул. Один раз. Осторожно, как будто резкое движение могло что-то спугнуть.

Арианна тоже кивнула. Они постояли так, глядя друг на друга.

Откуда? — это был честный вопрос без ответа. Она никогда не учила этот язык. Она понятия не имела, как он называется. До двух часов назад она вообще не знала, что это королевство существует. И тем не менее слова были там, внутри — не выученные, а словно выросшие, как будто язык был частью чего-то более глубокого, что жило в ней раньше, чем она научилась думать на любом языке вообще.

Это пугало. Не так, чтобы бежать и кричать, а тихо, по-настоящему — как пугает, когда понимаешь, что не знаешь чего-то про себя саму. Того, что, казалось бы, должна была знать всегда.

— Ты... — снова начал старик — теперь осторожнее, почти по слогам. — Откуда ты?

Она поняла.

— Из леса, — сказала она, потому что это было правдой и потому что больше объяснений у неё сейчас не было.

Старик хмыкнул — не насмешливо, а как-то задумчиво.

Огляделся, будто прикидывал что-то, и произнёс несколько слов, в конце которых она разобрала название.

— Элино́р.

Просто — «это Элино́р». Как будто объяснял очевидное.

Арианна повторила тихо, почти про себя:

— Элино́р.

Слово легло на язык непривычно, с мягким «э» в начале и ударением не там, где она ожидала. Она произнесла его ещё раз, чуть иначе, ближе к тому, как сказал он. Что-то в этом звуке было — старинное, что ли. Как название из книги, которую читаешь долго и которая кажется знакомой, хотя видишь впервые.

Из книги.

Она невольно вспомнила — синяя обложка, рисованные буквы, запах книжного развала на Литейном, голос Лизы, которая говорила что-то смешное про очередь. А потом страница с теми словами. И свет.

Арианна крепче сжала пальцы — ноготь больно упёрся в ободранную ладонь — и выдохнула.

— Я заблудилась, — сказала она, на этот раз почти уверенно. — В лесу. Я не знаю, где... где нужный путь.

Старик выслушал её. Кивнул — на этот раз обычно, без удивления.

— Лес здесь большой, — ответил он просто. — Чужие люди иногда плутают. Бывает.

Сказал это без подозрения и без особого любопытства —

тоном человека, которому жизнь давно объяснила, что удивительные вещи случаются и лучше принимать их как данность. Арианна почти рассмеялась от облегчения. Почти.

Деревня за его спиной жила своим тихим утренним шумом: где-то кричала птица, скрипела какая-то дверь, слышались чьи-то шаги по деревянным мосткам. Пахло дымом и чем-то хлебным — тем домашним, осязаемым запахом, который одинаков, кажется, в любом мире и в любом веке.

Арианна стояла на краю этой чужой жизни и думала, что слово «Элино́р» у неё в голове теперь звучит так, как будто оно там и было — всегда.

* * *

Всадник появился внезапно — из-за поворота, где дорога уходила между домами, вынырнул конь в яблоках, и деревня будто выдохнула разом.

Арианна не сразу поняла, что изменилось. Просто только что у колодца ругались бабы, мальчишка гонял кур по огороду, дед у забора чинил прохудившийся плуг — и вдруг всё это рассыпалось, и люди потекли к краям улицы, как вода, которую отодвигают ладонью. Кланялись. Не низко, не раболепно — но чётко, привычно, как делают люди, для которых это не унижение, а порядок.

Конь ступал медленно, с достоинством, словно знал, что торопиться незачем. На попоне — золото и синий, цвета, которых Арианна ещё не видела здесь ни на ком. Всадник был молод, лет двадцати пяти, с прямой спиной и таким выраже-

нием лица, как будто мир вокруг — это всего лишь список задач, которые надо разобрать по порядку.

Арианна стояла посреди улицы.

Не успела отступить. Или не додумалась. Или слишком долго смотрела на коня — красивый всё-таки, серый с тёмными пятнами, ноздри широкие, шея дугой — и когда опомнилась, все остальные уже жались к заборам, а она стояла одна на пустой середине, как гвоздь, забитый не туда.

Взгляд всадника скользнул по деревне, по лицам, по крышам — и остановился на ней.

Пауза была короткой. Но неприятной.

«Вот и приехали», — подумала Арианна.

Гонец что-то сказал негромко, придержал коня, спрыгнул с неожиданной лёгкостью для человека в сапогах с такими пряжками. Бросил поводья мальчику — тот поймал с видом человека, которому это не впервой, — и направился к деду у забора.

Старик разогнулся. Гонец говорил коротко, без лишних слов, и Арианна видела только его профиль и движение губ. Дед отвечал ещё короче. Один раз кивнул. Потом ещё раз — в её сторону.

Арианна почувствовала, как что-то внутри неприятно сжалось — не страх, а то ощущение, когда в школе вызывают к доске, а ты не готов: уже понимаешь, что сейчас будет неловко, но отступить некуда и поздно.

Гонец обернулся и пошёл к ней.

Шёл ровно, без спешки, и это было по-своему хуже, чем если бы бежал. Человек, который торопится, — нервничает. Этот не нервничал совсем.

— Значит, ты и есть незнакомка из леса, — сказал он, останавливаясь в двух шагах. Не спросил — констатировал.
— Как тебя зовут?

— Арианна.

Он ждал продолжения. Она не добавила ничего.

— Откуда ты?

Арианна секунду помолчала. Потом сказала:

— Издалека.

Гонец смотрел на неё внимательно — не враждебно, но так, как смотрят на предмет, который нужно классифицировать. Её куртка с молнией. Кроссовки. Джинсы, которые здесь явно не шили и не продавали. Волосы, не убранные ни в какую приличную причёску, просто собранные в хвост резинкой — маленькой пластиковой резинкой, которую здесь никто, кажется, не видел в глаза.

— Понятно, — произнёс он наконец, хотя было совершенно очевидно, что ему ничего не понятно.

— Слушай, — начала Арианна, потому что молчать было уже совсем невозможно. — Я понимаю, что выгляжу странно. Я и сама понимаю. Но я ничего плохого не сделала, просто шла по лесу и вышла сюда, и если есть какое-то недоразумение, то я готова объяснить, только я пока не очень понимаю, что именно объяснять, потому что сама не очень понимаю,

где я и как я здесь оказалась.

Пауза.

Гонец моргнул.

— По приказу Верховного мага, — произнёс он медленно, будто выбирая слова, — все чужаки, обнаруженные близ леса, должны быть доставлены в замок. Немедленно.

Арианна открыла рот.

Закрыла.

— Верховного мага, — повторила она.

— Джона Боримора.

Это имя ей ничего не говорило. Совсем ничего. Но слово «мага» осело где-то в груди — неприятно, как заноза.

— И если я откажусь? — спросила она, хотя уже примерно понимала ответ.

Гонец не стал изображать угрозу. Он просто слегка поднял бровь — жест вежливый и исчерпывающий одновременно.

Арианна оглянулась. Жители деревни смотрели на неё — не злобно, но с тем особым выражением, которое бывает у людей, наблюдающих за кем-то, кто только что влип, и облегчённо сознающих, что влип не ты.

Дед у забора отвёл взгляд первым.

Арианна посмотрела на коня, на гонца, на дорогу, уходящую куда-то за деревья. Потом ещё раз на гонца.

«Ну и что мне делать», — мелькнуло у неё. — «Бежать? Куда? В тот лес, из которого я только что вышла? Замеча-

тельный план».

— Хорошо, — сказала она вслух. — Я еду.

Гонец кивнул — коротко, без торжества. Очевидно, другого ответа он и не ждал.

— Можете взять что-нибудь с собой?

— У меня нет ничего, кроме того, что на мне.

Он снова окинул её взглядом — тем же классифицирующим. Потом сказал:

— Тогда идёмте.

Арианна пошла за ним к коню. Мальчик с поводьями смотрел на неё во все глаза. Она вдруг подумала, что выглядит, наверное, совершенно дико — в своих городских кроссовках на булыжной мостовой, с телефоном в кармане, который всё равно не работает, потому что никакой сети здесь, конечно, нет и быть не может.

Замок. Верховный маг. Приказ.

Это звучало по-средневековому пугающе, но с другой стороны — хуже, чем бродить по незнакомому лесу без еды, воды и малейшего понятия о том, где ты находишься, вряд ли будет.

Хотя зарекаться она не стала.

* * *

Лошадь звали, по всей видимости, что-то неприятное — она смотрела на Арианну с таким откровенным скептицизмом, что та почти услышала вопрос: «Ты вообще умеешь ездить?»

Арианна умела. Примерно так же, как умела говорить по-испански — несколько фраз из учебника, ни малейшего понимания грамматики. Два раза в конном лагере в десять лет не делали из неё наездницу.

Гонец это понял сразу и с тех пор молчал с видом человека, которому хочется закатить глаза, но воспитание не позволяет.

Арианна держалась за луку седла обеими руками — стыдно, но жить хочется больше. Лошадь шла ровно, только изредка встряхивала головой, словно проверяла, не упала ли ещё наездница. Не упала. Уже достижение.

Дорога уходила вперёд широкой полосой утоптанной земли, и по обе стороны от неё расстиралось то, что в Санкт-Петербурге Арианна видела разве что на картинах с подписью «Август. Фламандская школа». Поля лежали тяжёлыми золотыми пластами — рожь или пшеница, она не разбиралась, — и ветер шёл по ним неторопливыми волнами, как будто поле дышало, медленно и ровно. Дальше темнела роща, очень круглая и очень зелёная, будто кто-то аккуратно нарисовал её по циркулю. У дороги стоял колодец, и трое детей — мальчик и две девочки — тянули ведро, хохоча при этом с таким азартом, как будто добыча воды была лучшей игрой в мире. Один из пастухов на дальнем склоне поднял руку в сторону гонца; тот коротко кивнул.

Мирно. Нарочито мирно. Открыточно мирно.

У Арианны от этой красоты сжималось что-то между ло-

патками — не восторг, а что-то похожее на тревогу. Слишком ровно. Слишком тихо. Так бывает в кино перед тем, как что-то случается.

Она покосилась на гонца. Лет тридцати, крепкий, лицо загорелое и закрытое, как ставни в шторм. На поясе — короткий меч, на плаще — незнакомый герб. Он смотрел на дорогу, и думать о чём-то постороннем, судя по выражению лица, не собирался.

— Скажите, — начала Арианна осторожно, — а этот Верховный маг... он часто так вызывает людей? Ну, из леса?

Гонец помолчал секунду — ровно столько, чтобы дать понять, что вопрос он расслышал и решает, отвечать ли.

— Боримор не вызывает людей из леса, — произнёс он наконец. — Люди из леса у нас не появляются.

— А, — сказала Арианна. — То есть я первая?

— Первая за семь лет, что я езжу этим трактом.

Она обдумала это.

— И что он делает с такими... первыми?

Гонец снова помолчал. На этот раз чуть дольше.

— Разбирается, — ответил он коротко. — Боримор всегда разбирается.

Это прозвучало не угрожающе, но так, что угрожать уже не нужно было. Арианна поудобнее перехватила луку седла — ладони слегка вспотели, несмотря на прохладный ветер с полей.

— Он добрый человек?

— Умный, — сказал гонец, и в голосе его не было ни тепла, ни осуждения — просто констатация. — Умный и опасный. Перед ним незачем лгать: всё равно увидит.

— А если говорить правду?

— Правду тоже увидит. — Он чуть двинул плечом — что-то среднее между пожатием и советом. — Но тогда хотя бы не хуже.

Арианна кивнула, глядя между ушами лошади на дорогу.

Правда. Хорошо. Правда будет такая: меня зовут Арианна, я из другого мира, я прочитала вслух три строчки из книги о драконах, и меня засосало в портал. Замечательная правда. Очень убедительная.

Она подняла взгляд на горизонт.

Замок появился постепенно — сначала просто тёмные зубцы над холмами, едва различимые, потом башни, потом стены, потом — всё это вместе, большое и серьёзное, врастающее в небо. Арианна смотрела на него и думала: вот это и есть то место, куда она едет. Вот это и есть следующая страница.

Книга. Она снова думала про книгу.

Та лежала у неё в комнате на Невском, раскрытая на заложенной странице — старая, с потемневшим переплётом, купленная на Удельной у одного деда, который сам не знал, откуда она у него. Арианна тогда листала её просто так, потому что обложка была красивой, и добралась до той страницы со старыми буквами — не совсем понятными, — и про-

читала вслух, просто проверяя, как звучит.

А потом стояла посреди чужого леса в домашних джинсах.

Случайность. Она говорила себе: случайность. Неудачное стечение обстоятельств. Не первый раз в жизни что-то шло не туда.

Но слова те она помнила. Они легли правильно, как ключ в замок, — не так, как читают незнакомое вслух, запинаясь. Так, как будто язык уже знал их форму. Как будто они ждали именно её голоса.

Арианна смотрела на башни впереди, на то, как они поднимаются из-за холмов всё выше с каждым шагом лошади, и думала: это не закончилось. Что бы это ни было — оно не закончилось вместе с порталом. Что-то началось — вот как правильнее.

Поле справа покачивалось золотом. Дети у колодца остались где-то позади. Пастух опустил руку.

Замок рос.

* * *

Замок оказался именно таким, каким и должен быть замок, — настоящим.

Не тем, что рисуют в детских книжках: с башенками-леденцами и флагами на ветру. Этот был сложен из тёмно-серого камня, будто его не строили, а вытесали из самой скалы, на которой он стоял. Стены были широкими — такими, что поверх мог пройти человек, и не один. Ворота — кованые, в

палец толщиной, с зубцами поперечины — были приоткрыты ровно настолько, чтобы пропустить телегу. Двое стражников у воротной арки даже не обернулись, когда гонец осадил коня. Они просто стояли, как стояли, — с копьями, в кольчугах, с выражением людей, которые видели здесь всякое и давно перестали удивляться.

Пахло конским навозом, влажным камнем и где-то за стеной — хлебом. Странная смесь, и всё же от неё было легче, чем от той парфюмерно-правильной чистоты, которую Арианна почему-то ожидала.

Гонец спешился и бросил стражнику поводья с двумя словами:

— От королевского двора. Нашли у дороги.

Он мог бы сказать то же самое про бродячую собаку, и интонация не изменилась бы.

Арианна слезла с коня сама — никто ей не помог — и встала рядом с торбой, которую ей отдали в деревне: старая, с чужим запахом, но внутри было всё её. Гонец уже разворачивал коня. Не попрощался. Просто уехал, будто сдал посылку и вычеркнул строку из списка дел.

Стражник посмотрел на Арианну. Она посмотрела на стражника.

— Иди за мной, — сказал он.

Она пошла.

Двор внутри жил своей отдельной жизнью, до которой Арианне не было никакого дела — и до неё тоже. Слуги та-

щили тюки и корзины. Двое конюхов спорили о чём-то тихим, усталым голосом. В дальнем углу трое в тёмных плащах — явно маги, что-то в том, как они держали спину, это выдавало — переговаривались, не глядя по сторонам; один из них нёс стопку свитков, прижатую к груди, будто ребёнка. Никто не смотрел на Арианну. Она была частью этого двора ровно настолько, насколько случайная ворона, севшая на забор.

Это почему-то было даже обидно.

Коридор внутри оказался длинным и холодным — не в смысле зимы, а в смысле камня: он хранил сырость независимо от времени года, и дыхание Арианны оседало лёгким паром, пока она шла следом за стражником. Факелы в держателях горели через каждые десять шагов, и между ними лежали полосы тьмы, в которых приходилось угадывать пол. Под сапогами — чужими, взятыми взамен промокших кроссовок — стучал камень, и каждый шаг давался чуть громче, чем хотелось бы.

Гобелены. Она их увидела почти сразу: тёмные, выцветшие по краям, они висели вдоль стен, как страницы какой-то книги, которую никто уже не читал. Охота. Битва. Ещё одна битва. Зал с людьми в коронах.

А потом — дракон.

Арианна почти споткнулась.

Он был вышит на фоне бурого неба — огромный, крылья раскинуты так, что касаются краёв гобелена, чешуя отблёскивала золотистой нитью даже в полутьме. Под ним стоял

человек в тёмном плаще. Дракон был склонён к нему — не агрессивно, а как-то... доверительно? Так наклоняются к тому, кого узнали после долгой разлуки.

Стражник ушёл вперёд на три шага, прежде чем заметил, что она отстала.

— Не отставать.

— Иду, — сказала Арианна, отрывая взгляд от гобелена.

— Уже иду.

Но образ остался — золотистая нить на тёмном фоне, склонённая голова дракона.

Дверь впереди была деревянной, с кованой полосой поперёк, — обычной, в общем-то, дверью, которая ничем особенным не выглядела. Стражник остановился перед ней и повернулся.

— Верховный маг ждёт.

Сказал это без интонации. Как «осторожно, ступенька».

Арианна кивнула. Сглотнула.

Стражник ждал. Рука Арианны — та, что должна была потянуться к дверной ручке — замерла на полдороге.

За то время, пока она ехала в этот замок, — в деревне, пока её рассматривали как диковинку, пока гонец смотрел мимо, пока тянулась дорога вдоль полей и лесов — она думала о разном. О том, как выглядит этот Верховный маг. О том, что вообще говорят в такой ситуации. О том, поверит ли он, откуда она взялась, или решит, что она сумасшедшая. Она перебирала слова, составляла объяснения, даже мысленно ре-

петировала — вот она входит, вот он смотрит, вот она говорит...

А сейчас, стоя в двух шагах от закрытой двери, Арианна вдруг поняла, что бояться нечего из того, что она перебиравала.

Маг мог не поверить. Маг мог рассердиться. Маг мог выставить её вон или, наоборот, запереть в какой-нибудь башне. Всё это — справится. Это решается. Это — внешнее.

Но он мог сказать ей и другое.

Он мог знать, почему она здесь. Не как — об этом она и сама уже догадывалась: слова из книги, портал, случайность. А почему. Почему именно она произнесла эти слова. Почему именно этот мир. Почему дракон — потому что она уже успела узнать, что здесь водятся драконы — смотрел на того человека на гобелене вот так, как смотрят на своих.

Если Верховный маг что-то знает, он скажет ей правду.

А правда могла оказаться чем угодно. Холодный воздух коридора лёг на плечи, как чужая одежда — не давил, но чувствовался на каждом вдохе. Где-то за стеной глухо стукнуло, и она невольно дёрнула плечом.

Арианна выдохнула — медленно, носом — и потянулась к ручке.

— Ладно, — сказала она тихо, себе, — хуже уже, скорее всего, не будет.

И открыла дверь.

Глава 3. Холодный приём

Замок был больше, чем она думала.

Арианна смотрела на него с седла — вернее, пыталась смотреть, потому что конь подо ней нервно переступал, и картинка никак не хотела складываться в нечто цельное. Серые камни, потемневшие от времени и сырости, поднимались куда-то вверх, туда, где флаги — тёмно-синие, с каким-то гербом — тяжело бились на ветру. Башни. Стена. Ворота с опущенной решёткой, которая сейчас поднималась с механическим скрежетом, будто сама земля зевала.

Ладно, — сказала она себе. — *Спокойно. Ты просто случайно провалилась через портал в средневековое королевство. Ничего страшного.*

Страшного в этом было ровно всё, но думать об этом не следовало.

Гонец — молодой парень с таким напряжённым лицом, будто он вёз государственную тайну, а не случайно подобранный девицу из леса — спешил первым и что-то сказал стражникам у ворот. Те переглянулись. Один посмотрел на Арианну. Взгляд у него был такой, каким обычно смотрят на что-то непонятное и потенциально опасное — например, на незнакомую собаку, которая то ли дружелюбная, то ли нет.

Арианна постаралась выглядеть не опасной.

Получилось, судя по всему, недостаточно убедительно, потому что стражник руку с алебарды так и не убрал.

Двор внутри оказался неожиданно оживлённым — конюхи, слуги с корзинами, какая-то женщина, которая быстро

шла куда-то с видом человека, у которого дел больше, чем часов в сутках. На Арианну все смотрели. Не грубо, не откровенно — боковым взглядом, быстрым, почти неуловимым. Ровно таким, каким смотрят, когда очень хотят разглядеть, но воспитание не позволяет.

Что не так с моим лицом? — мелькнуло у неё. — *Или с одеждой? Или они просто не привыкли к незнакомцам?*

Гонец сказал что-то насчёт «без промедления» и она послушно пошла за ним.

Приёмный зал был большим и гулким — шаги отдавались от каменного пола так, что Арианна невольно стала ступать осторожнее, хотя потом сама себе показалась смешной. Высокие окна пропускали белёсый зимний свет. Вдоль стен стояли люди — кто в форме, кто в богатых одеждах — и все они тоже смотрели.

Хватит смотреть, — мысленно сказала им Арианна. — *Не на что смотреть. Обычный человек. Ничего интересного.*

Король Моринктон стоял у окна.

Она поняла, что это он, ещё до того, как гонец успел произнести положенные слова — что-то в том, как остальные выстроились чуть в стороне, как ни у кого больше не было этой спокойной, привычной уверенности в собственном месте в пространстве. Ему было лет пятьдесят, с виду — крепкий, с короткой тёмной бородой, в которой серебрилась се-

дина, без короны, что почему-то удивило. Просто человек у окна.

Он обернулся, когда она остановилась на почтительном — как ей казалось — расстоянии.

— Значит, портал, — сказал он.

Не вопрос. Констатация. Голос у него был ровный, без выраженного удивления, но Арианна была готова поспорить, что удивление там всё-таки было — просто аккуратно упрятанное вглубь.

— Да, — сказала она. — Простите. Я не нарочно.

Что-то в его взгляде дрогнуло — не улыбка, но почти.

— Случайных порталов не бывает, — произнёс он. — Это, кажется, известно всем.

— Мне — нет, — призналась Арианна. — Я вообще про порталы ничего не знала до вчерашнего вечера.

Несколько секунд он смотрел на неё с выражением человека, который пытается понять, имеет ли он дело с нахалкой или с искренне растерявшимся ребёнком. Арианна честно не знала, к какой категории себя отнести.

— Боримор разберётся, — сказал король наконец, и в этих трёх словах было столько законченной уверенности, что Арианна почти почувствовала, как вопрос снимается с повестки дня и перекладывается на чужие плечи. — Тебя проводят.

— Это... человек? Маг?

— Верховный маг, — поправил король, и в его голосе по-

явилась едва заметная интонация, которую Арианна не смогла расшифровать. — Ты окажешься в надёжных руках. Или, по крайней мере, в компетентных.

Это было немного странно сказано, но она решила не уточнять.

В коридоре, куда её вывел другой слуга — пожилой, молчаливый, с прямой спиной, — взгляды никуда не делись. Просто стали другими. Во дворе её разглядывали с любопытством. Здесь — с чем-то, что Арианна, при всём желании думать о хорошем, не могла назвать иначе как страхом.

Не паническим. Тихим. Осторожным.

Молодая служанка прижала к груди стопку полотенец и чуть отступила в сторону, пропуская их. Двое мужчин в рабочей одежде — явно что-то тащившие куда-то — замерли и переждали, пока она пройдёт. Кто-то за поворотом произнёс что-то негромко, и второй голос его оборвал.

Почему? — Арианна шла и думала. — *Я же ничего не сделала. Они меня даже не знают. Откуда тогда это лицо — будто я иду и могу случайно что-нибудь взорвать?*

Или она что-то сделала? Портал — это же магия. Если здесь к магии особое отношение...

Додумать она не успела, потому что коридоры вдруг пошли уже и темнее, факелы на стенах стали ближе друг к другу, а каменный пол сменился лестницей, которая уходила вверх по спирали. Башня.

Арианна считала ступени — раз, два, три — и делала вид, что это совершенно обычное занятие, а не попытка зацепиться за что-то конкретное в тот момент, когда всё вокруг было непонятным. Двадцать три. Двадцать четыре. Двадцать пять.

Запомни хотя бы это, — сказала она себе. — *Двадцать пять ступеней от поворота. На случай если понадобится уходить быстро.*

Зачем уходить быстро — она не знала. Просто казалось разумным.

Слуга остановился перед дверью. Тяжёлой, дубовой, с железными петлями. Без украшений — только дерево и металл. Он постучал — три раза, коротко — и отступил на шаг, сложив руки перед собой.

— Верховный маг вас примет, — сказал он, глядя в сторону двери, а не на неё. — Ступайте.

Арианна посмотрела на дверь. Дверь не имела никакого выражения.

Ну и ладно, — подумала она. — *Хуже уже не будет.*

И потянула за ручку.

* * *

Дверь за спиной закрылась почти беззвучно — только лёгкий щелчок, будто замок извинился за то, что заперлась.

Боримор стоял у окна.

Спиной к ней.

Арианна сделала два шага вперёд и остановилась — не потому что знала, где положено стоять гостю в средневековом

замке у верховного мага, а потому что ноги сами решили, что хватит. Покои оказались больше, чем она ожидала: высокий потолок с деревянными балками, полки, уставленные книгами и склянками, стол с картами. Всё тёмное, тяжёлое, пахнущее пылью и чем-то смолистым.

Окно было огромным. Боримор в нём — тёмный силуэт на фоне серого неба.

Он молчал.

Она тоже молчала — отчасти из вежливости, отчасти потому что вообще не понимала, что здесь принято говорить. *Здрасьте, я из другого мира* как-то не звучало. Арианна сцепила пальцы за спиной, потом расцепила, потом снова сцепила. Считала секунды. Дошла до тридцати восьми.

Он всё ещё не оборачивался.

Из распахнутой форточки — если тут вообще были форточки, или что-то похожее на них — тянуло холодом. Где-то внизу, во дворе, звенело железо. Арианна скосила взгляд на стол: несколько свитков, придавленных чернильницей, что-то нарисованное красным — схема, символы. Ничего понятного.

Когда он наконец повернулся, она почти вздрогнула.

Не от резкости движения — он развернулся медленно, как человек, которому торопиться некуда и незачем. Арианна просто не ожидала, что лицо у него будет таким. Не злым, не добрым — никаким. Серые глаза смотрели на неё спокойно и абсолютно без выражения. Как смотрят на незнакомый

предмет, который непонятно зачем принесли в дом и теперь надо решить, куда деть.

Она постаралась не отвести взгляд.

Боримор её изучал. Именно изучал — не рассматривал, не оценивал, а разбирал на составляющие: лицо, руки, осанка, то, как она стоит. Арианна вдруг почувствовала себя бабочкой, которую аккуратно, без лишней жестокости, прикалывают к картонке.

— Порталы, — произнёс он наконец, — не открываются случайно.

Голос был ровный. Не громкий. Именно это в нём было неприятнее всего — в нём не было ни раздражения, ни предупреждения. Просто констатация факта, которая почему-то звучала как приговор.

— Я знаю, что это звучит странно, — начала Арианна.

— Я жду объяснений, — перебил он, — а не оговорок.

Она выдохнула.

Хорошо. Значит, без предисловий.

— Я была дома. В Санкт-Петербурге — это город, далеко отсюда, вы, скорее всего, не знаете. — Она быстро решила, что объяснять про другой мир лучше потом. — Читала книгу. О драконах и магии — она была старая, странная, я нашла её в букинистическом. Там был раздел с... я не знаю, как это назвать. Словами. Я прочитала их вслух, потому что они странно звучали, и тут — всё. Свет, ветер, и я уже здесь.

Пауза.

— Вот и всё, — добавила она на случай, если он ждал продолжения. — Больше нечего добавить.

Боримор слушал. Это Арианна отметила особо — он не перебивал, не хмурился, не качал головой. Стоял и слушал с тем же каменным выражением. Потом ничего не сказал.

Прошло несколько секунд.

Она не выдержала:

— Я понимаю, что это не похоже на правду. Но это правда.

— Это не вопрос того, похоже или не похоже, — сказал он медленно, будто взвешивал каждое слово отдельно. — Вопрос в другом. Порталы такого рода имеют ключи. Произнести ключевые слова может любой. Пройти сквозь портал — нет. Существуют условия.

Арианна медленно переварила это.

— Какие условия?

Он не ответил. Отвернулся к окну.

В этот момент она увидела его отражение в стекле — не лицо целиком, только профиль, только линию брови и сжатый рот. И что-то ещё. Что-то, что промелькнуло и исчезло раньше, чем она успела разобраться — не злость, не раздражение. Что-то другое. Беспокойство, может быть. Или что-то похожее на него, плохо скрытое и от этого ещё более заметное.

Потом его плечи чуть расправились, лицо в стекле снова стало ровным.

Арианна смотрела на его настоящее лицо, на спину, на

тёмный плащ — и думала о том, что видела. Что человек, который смотрит на тебя так, будто ты задача с неверным условием, где-то внутри всё-таки беспокоится. Непонятно только: о чём.

О ней?

О чём-то, что она означает?

Или о чём-то, что он не хочет знать?

— Вы мне не верите, — сказала она в его спину. Не как обвинение — как уточнение.

— Я ещё не решил, — ответил он, не оборачиваясь.

За окном по двору прошёл кто-то с факелом — огонь качнулся на стекле, и отражение Боримора дрогнуло вместе с ним. Арианна смотрела на этот огонёк в стекле и чуть-чуть, совсем немного, дышала.

Ну и ладно. Хуже уже не будет.

Хотя, конечно, она не была в этом уверена.

* * *

Он спрашивал методично — так берут крепость. Не штурмом, а медленным осыпанием стен.

— Откуда вы?

— Из Санкт-Петербурга. Это город в России.

— Мне незнакомо это название.

— Оно и понятно, — сказала Арианна, и тут же пожалела о тоне. Боримор даже бровью не повёл. Просто смотрел. — Я имею в виду, что это далеко. Очень. Другой мир, если точнее.

Он записал что-то на листе. Перо скрипело — тихо, но в этой тишине оглушительно.

— Родители.

— Мама. Папа ушёл, когда мне было четыре. Его я не помню.

— Ушёл — это значит умер?

— Это значит ушёл.

Боримор поднял взгляд. Арианна выдержала его — из чистого упрямства.

— Мать — маг?

— Нет. Обычный человек. Работает в библиотеке.

— У вас есть магия.

Это не было вопросом. Арианна поняла это по интонации — ровной, как чертёж.

— Не знаю. Раньше не было. Или была, только я не умела её видеть. Я не могу точно сказать.

— Вы хотите сказать «да», — произнёс он, — но боитесь ошибиться.

— Я хочу сказать правду, — ответила она. — А правда в том, что я не знаю.

Молчание. Перо легло на стол.

— Слова из книги, — сказал Боримор. — Повторите их.

Арианна вспомнила книгу — тяжёлую, с вытертым кожаным переплётом. Она нашла её в букинистическом, купила за сущие копейки, а строчки на последней странице прочитала вслух просто потому, что они звучали красиво. Красиво

и непонятно.

Она произнесла слова.

Не все — только первые, те самые. Горлом это шло странно, как будто язык помнил их лучше головы.

Воздух между ними дрогнул.

Не вспышка, не гром — просто свет, мягкий и короткий, почти как отражение солнца от воды. Он возник у ладоней Арианны и тут же угас. Меньше секунды.

Боримор замер.

Не отступил, не схватился за что-то — просто замер, и это было страшнее любой реакции. Арианна смотрела на него и видела, как что-то в его лице стягивается в точку — не страх, не гнев, что-то другое, что она не умела назвать.

— Что это было? — спросила она.

— Ничего существенного.

— Вы только что замерли на пять секунд из-за «ничего существенного».

— Три секунды, — поправил он. — И это не ваша забота.

Арианна сделала выдох. Ровно. Спокойно. Хорошо.

— Вы смотрите на меня так, будто я что-то скрываю. Я ничего не скрываю. Я случайно прочитала слова из случайной книги, оказалась в вашем лесу без документов и нормального объяснения, и очень хотела бы понять, что происходит. Если вы знаете — скажите. Если нет — тоже скажите.

Молчание было долгим. За окном что-то пронеслось — птица, наверное, или ветер в кронах.

— Я не говорил, что вы скрываете, — произнёс Боримор наконец. Голос у него не изменился, но в нём появился какой-то слой — как второе дно в ящике. — Я говорил, что порталы не пропускают случайных людей.

— Значит, я не случайная?

— Значит, я пока не понимаю, что вы такое.

Арианна решила, что это почти комплимент. Во всяком случае, лучше, чем «никто».

— Ваша мать, — сказал он вдруг. — Как она выглядит?

Вопрос пришёл иначе — без той же холодной выверенности. Едва заметно, но иначе.

— Высокая. Светловолосая. У неё серые глаза и очень прямая спина — она всегда говорила, что сутулость делает человека меньше. — Арианна помолчала. — Она красивая. Была красивая. Наверное, сейчас с ума сходит, потому что я просто исчезла.

Боримор смотрел не на неё — куда-то чуть левее, на стену или на то, чего на стене не было.

— Имя?

— Сара. , Сара Серебрянская.

Он отвернулся.

Не резко — медленно, как будто намеренно. Встал из-за стола и подошёл к окну. Спиной к Арианне. Руки сцеплены за спиной — пальцы побелели, она заметила это, потому что смотреть больше было некуда.

За окном был сад. Арианна раньше не замечала — а те-

перь увидела: аккуратные дорожки, деревья с тёмными стволами, дальняя стена в плюще. Всё очень ухоженное. Всё очень одинокое.

Она не стала говорить. Не спросила, что случилось, не уточнила, знает ли он это имя. Что-то в его плечах говорило: не надо.

И она просто ждала.

Минуту, может, две — она не считала. В комнате было тихо. Дыхание Боримора ровное, только чуть глубже обычного. Пальцы на спине — всё так же сжатые.

Арианна смотрела на сад и думала, что этот человек явно привык стоять вот так — у окна, один, с чем-то тяжёлым внутри, которое некуда деть.

И что ей, пожалуй, лучше этого не касаться.

Пока не касаться.

* * *

Он объявил это так, словно речь шла о расписании уроков.

— Вы остаётесь в замке, — сказал Боримор, не поднимая взгляда от стола. Что-то перекладывал среди бумаг — или делал вид, что занят. — В качестве ученицы. До выяснения обстоятельств.

Арианна стояла посередине кабинета и смотрела на его затылок — серебристые волосы, прямая спина, ни намёка на то, что только что произошло что-то важное. Ни тебе «добро пожаловать», ни «как вы себя чувствуете после портала», ни

даже «не упадёте в обморок снова?»

Ученица. Надо же.

Она, конечно, почувствовала что-то похожее на облегчение — тихое, быстрое, как глоток холодной воды. Значит, на улицу не выгонят. Значит, есть крыша над головой и, вероятно, еда. Это уже не ноль, это что-то.

Но облегчение быстро осело, когда до неё дошло: слово «ученица» в его устах не звучало как приглашение. Скорее как — статус. Управляемый статус. Ученица сидит там, куда её посадили. Ученица делает то, что ей говорят. Ученица не задаёт лишних вопросов и не шляется куда не следует.

Арианна мысленно поморщилась, но вслух ничего не сказала.

— Благодарю, — произнесла она вместо этого.

Боримор наконец повернулся. Посмотрел на неё — коротко, оценивающе — и, кажется, её ответ его удивил. Совсем чуть-чуть. Почти незаметно. Но она заметила.

— Не стоит благодарности, — сказал он. — Это решение продиктовано необходимостью, а не участием.

— Я понимаю.

Она действительно понимала. Он хотел держать её в поле зрения. Человек, которого пропустил портал — а порталы, судя по тому, что он говорил раньше, разборчивые создания, — это либо очень полезный человек, либо очень опасный. Он пока не решил, кто она. Вот и держит рядом, чтобы разобраться.

В каком-то смысле логично. Неприятно, но логично.

— Чему вы будете меня учить? — спросила она.

Боримор помолчал. Прошёл к окну — высокому, стрельчатому, с мутноватым стеклом, через которое серый свет падал на каменный пол длинными прямоугольниками.

— Тому, что необходимо, — ответил он наконец. — И не более.

Арианна едва удержалась от того, чтобы не сказать «очень информативно, спасибо». Промолчала. Сложила руки перед собой и ждала.

Он стоял спиной — смотрел в окно или за окно, она не могла сказать. Плечи у него были прямые, как линейка, и в этой прямизне читалась не гордость, а скорее привычка к тому, что никто не смотрит сзади. Человек, привыкший быть один в большой комнате.

— Правила, — сказал он, не оборачиваясь. — Слушайте внимательно, потому что повторять я не буду.

— Слушаю.

— Восточное крыло замка закрыто. Подвальные уровни закрыты. Башня слева от главного двора — закрыта. — Он перечислял ровно, без интонаций, как читают список. — Если вы окажетесь в любом из этих мест — разговора не будет. Последствия будут незамедлительными.

Арианна кивнула, хотя он этого не видел.

— О портале вы не говорите никому. Ни слуге, ни стражнику, ни — — короткая пауза, — случайным людям, с ко-

торами сведёт судьба. Вы здесь потому, что проходили обучение в другом месте и были направлены ко мне. Этого достаточно.

— А если спросят, откуда именно?

Он чуть повернул голову — не к ней, а в сторону.

— Придумайте что-нибудь правдоподобное. Думаю, вы справитесь.

Ну надо же. Комплимент от Верховного мага. Запомню.

— И последнее, — сказал он. — Вы делаете то, что я говорю. Без обсуждений. Без самостоятельности. Это не предмет переговоров.

Арианна смотрела на его спину и думала о том, что в этом правиле — самом последнем, произнесённом без повышения голоса, совершенно спокойно — было что-то острее, чем во всех предыдущих. Не угроза. Просто линия. Переступишь — и всё вышеперечисленное потеряет смысл.

— Понятно, — сказала она.

Он наконец обернулся. Смотрел на неё несколько секунд — долго, для человека, который, казалось, не тратил времени зря.

— Вы согласны с этими условиями?

Арианна едва не сказала «а у меня есть выбор?» — и остановила себя в последний момент. Потому что формально выбор был. Она могла отказаться. Могла выйти из замка в незнакомый мир, без денег, без документов, без малейшего представления о том, как тут устроена жизнь. Могла попро-

бовать.

Это всё-таки не выбор. Это иллюзия выбора с очень очевидным правильным ответом.

— Согласна, — сказала она.

Что-то в его лице — совсем немного, едва уловимое — чуть отпустило. Не радость. Не облегчение. Просто — напряжение, которое она в нём не замечала, пока оно не ушло.

Интересно.

Она не знала, что именно его беспокоило. И что он искал в её лице — всё это время, с самого начала разговора. Что-то искал. Это она видела точно. Вот только что — оставалось загадкой, которую она пока не умела решить.

— Вас проводят в комнату, — сказал Боримор. Уже отворачивался, уже снова к бумагам, уже снова где-то далеко. — Ужин принесут туда же. Занятия начнутся завтра.

Арианна поняла, что её отпустили.

Шагнула к двери — и остановилась, не зная зачем. Может, хотела сказать ещё что-то. Может, просто ждала, что он добавит хоть слово — не по делу, а просто так. Что-нибудь человеческое.

Он не добавил.

Она вышла.

* * *

Слуга шёл впереди молча — только шаги по каменным ступеням и мерное потрескивание факелов. Арианна едва попевала, придерживая подол чужого платья, которое ей

выдали где-то между первым и вторым коридором замка. Оно было велико в плечах.

Комната оказалась на третьем ярусе башни. Слуга толкнул дверь, поставил свечу на подоконник, поклонился и исчез — всё без единого слова, как будто разговаривать с ней было не его обязанностью. Может, так и было.

Арианна осталась одна.

Она постояла у порога, потом медленно прошла к кровати и села. Даже не разувшись. Просто — опустилась на покрывало, почувствовала под ладонью плотную шерсть ткани и впервые за весь этот безумный, невозможный день позволила себе не держаться.

Воздух в комнате был прохладным и сухим. Пахло камнем, воском и чем-то смолистым. Над кроватью — ни одной картины, только потрескавшаяся штукатурка и пятно от старого факельного дыма. Скромно. Зато чисто.

Арианна выдохнула.

Потом ещё раз.

Она жива. Это уже что-то.

Разговор с Боримором сам полез обратно — как всегда бывает с тем, что не хочешь вспоминать. Холодный кабинет, холодные глаза, вопросы, которые звучали как протокол допроса. Она старалась отвечать по существу. Не паниковать. Вроде справилась.

Но было одно место.

Она спросила про мать — совершенно случайно, просто потому что слова сами вырвались: *а вы не встречали женщину, которая тоже была бы не отсюда?* Глупый вопрос. Она понимала, что глупый, уже когда произносила.

Боримор тогда замолчал.

Не так, как молчат, когда не знают ответа. Иначе. Что-то в нём — совсем ненадолго, на один вдох — сбилось с ритма. Потом он поднял взгляд от бумаг и сказал что-то о том, что вопрос неуместен, и перевёл разговор дальше. Ровно. Профессионально.

Арианна тогда кивнула и не стала настаивать.

Но сейчас — в тишине, с руками на коленях — она понимала, что это молчание ей не приснилось.

Он знал. Или догадывался. Или просто имя матери ему ничего не говорило, а молчание было просто усталостью пожилого мага на исходе дня.

Да, конечно, — сказала она себе. *Скорее всего именно так.*

Она не поверила.

За окном садилось солнце — медленно, по-здешнему, как будто этот мир не торопился никуда. Двор замка внизу опустел: несколько стражников у ворот, лошадь у коновязи, дальше — сад, который при другом свете, наверное, был бы красивым. Сейчас всё выглядело серовато и немного нерезко.

Арианна смотрела на это и думала о Петербурге.

Странно — она ждала, что будет больно. Или хотя бы страшно. Но боли не было. Было ощущение, как после долгой болезни: что та жизнь — квартира, маршрутки, экзамены, подруга Дашка с её вечными советами про мальчиков — всё это было очень, очень давно. Как будто не с ней.

Книга лежала в сумке. Та самая — из развала у Сенной площади, с тиснением на обложке и страницами, от которых пахло чужим временем. Арианна покосилась на сумку. Трогать не стала.

Надо было гуглить отзывы перед покупкой, — подумала она. — *Хотя там небось стояло бы «портал в другой мир, пять звёзд».*

Смешно не было, но она всё равно чуть улыбнулась. Хоть что-то.

Мысль пришла сама — тихая, неприятная, из тех, что лучше не думать.

Боримор взял её в ученицы.

Это звучало хорошо. Почти как удача. Крыша над головой, еда, возможно — объяснение, что происходит и как отсюда выбраться. Всё логично.

Только она видела его лицо, когда он принимал решение. И там не было доброты. Там было что-то похожее на расчёт — взвешенный, быстрый, как у человека, который привык думать на три хода вперёд.

Зачем ты ему нужна?

Она не знала. Может, он думал, что она шпионка — хотя это было бы смешно, она едва понимала, как работает местная магия. Может, портал, который её принёс, оставил какой-то след, и этот след был интересен. Может — и это было самое неприятное предположение — она была опасна. Не сейчас, не для него лично, но потенциально. И лучше держать такую вещь при себе, чем отпускать гулять по королевству.

Арианна оглядела комнату.

Небольшая. Одно окно. Дверь без засова с её стороны — она проверила, когда вошла. Случайно, но проверила.

Ладно, — сказала она себе. — *Будем считать, что пока ты ему нужна — ты в безопасности. А там видно будет.*

Логика сомнительная, но лучше, чем ничего.

Свеча догорала. Арианна уже почти легла, когда из глубины замка пришёл звук.

Она сначала решила, что почудилось.

Потом услышала снова.

Низкий. Протяжный. Не похожий ни на что, что она слышала раньше. Не голос — что-то под голосом, в самом дне звукового диапазона, там, где уже почти не слух, а что-то другое. Как выдох чего-то огромного, что дышит медленно и ровно — очень глубоко, за несколькими стенами.

Арианна лежала, не двигаясь.

Звук повторился — длинный, и такой спокойный, что становилось не то чтобы страшнее, а как-то иначе. Как будто там, в темноте под башней, что-то просто существовало. Давно. И знало об этом.

Она так и не заснула ещё долго.

Глава 4. Что скрывает Верховный маг

Дверной замок щёлкнул громче, чем следовало.

Боримор опустил руку и некоторое время стоял неподвижно, глядя на дверь. Потом шагнул к столу, поставил на него свечу и только тут понял, что сделал. Запер дверь. Первый раз за сколько лет? Он не мог вспомнить. Слуги входили когда нужно, ночные гонцы — когда требовалось, и он никогда не считал это неудобством. Запертая дверь означала, что внутри что-то скрывают. Или что снаружи чего-то боятся.

Он никогда не прятался и не боялся.

Боримор отошёл к окну.

Двор внизу был пуст и тих — только факелы раскачивались под ветром, бросая рыжие кляксы на мощёные плиты. Где-то в конюшне беспокойно переступал конь. Ночь была обычная, тёмная, с правильным числом звёзд на правильных местах, и ничто в ней не объясняло того, что сейчас происходило у него внутри.

Он поднял взгляд к небу и почувствовал, что думает не о Метью.

Это было неправильно. Метью стоило думать постоянно — как думают о занозе, вошедшей глубоко и воспалившейся.

ся. Донесения последних недель складывались в картину достаточно недвусмысленную: тьма двигалась с севера мелкими, почти незаметными шагами, оседала в деревнях запустением, в людях — безволием, в скоте — хворью. Не война. Хуже войны. Война видна. Это — нет.

Но сейчас он думал о девушке.

О цвете её глаз.

Боримор раздражённо отвернулся от окна и подошёл к столу. Свиток донесения лежал там, где его оставили с утра, — нераспечатанный, с сургучной печатью пограничного гарнизона. Он сломал печать, развернул пергамент и поставил свечу ближе.

Строкиплыли.

Он видел слова — «участились случаи», «скот падает без причины», «двое стражников жалуются на головную боль с тех пор, как» — и терял нить после каждой второй фразы. Взгляд уходил куда-то правее, в точку чуть выше пергамента, где ничего не было. Где было лицо.

Круглое, чуть растерянное. Слишком живое для этого мира, слишком незащищённое для положения, в которое она попала. И глаза — он сам себя одёрнул, потому что уже в третий раз возвращался к глазам, а это было нелепо.

Маг. Верховный маг. Он пережил распад Совета и смерть каждого, кто сидел рядом с ним за тем длинным столом. Пережил войну с отцом Метью — настоящую войну, с огнём и потерями. Он видел вещи, от которых у нормального чело-

века осталась бы только тихая пустота внутри.

Девушка с растерянными глазами не должна была его беспокоить.

Он отложил свиток.

Пергамент лёг на стол с тихим шуршанием, и Боримор долго смотрел на него, не видя. Потом поднялся, прошёл к окну снова — просто потому что не знал, куда деть руки — и облокотился на холодный подоконник.

Что именно его выбило?

Он перебирал встречу по частям, как перебирают механизм в поисках сломанной детали. Девушка появилась из ниоткуда — буквально, из никуда, что уже само по себе требовало объяснения и в другое время заняло бы всё его внимание. Она не понимала, где находится. Говорила странно — с акцентом, но не таким, чтобы он мог определить происхождение. Держалась лучше, чем большинство взрослых мужчин на её месте. Это он отметил. Это его не беспокоило.

Беспокоило другое.

Он поймал себя на том, что не может назвать это «другое» словами. Что-то в повороте головы. Что-то в том, как она моргнула, когда он заговорил резче, чем следовало, — не испуг, а короткая, мгновенная обида, которую она сразу убрала с лица. Этот жест был ему знаком. Он видел его.

Где?

Боримор потёр переносицу. Дыхание осело паром на стекле перед ним, расплылось и медленно исчезло.

Он не собирался идти этим путём. Мозг умел строить совпадения там, где их не было, — особенно когда человек давно чего-то ждёт. Или боится. Он не ждал и не боялся. Он давно принял то, что принял, и жил с этим ровно так, как умел — не открывая лишних дверей, не разворачивая лишних свитков.

И всё же.

Он стоял у окна в запертых покоях, и ночь снаружи была тихой и правильной, и донесение с севера лежало нераспечатанным второй раз за вечер, и он, Джон Боримор, Верховный маг королевства Элинор, единственный оставшийся голос Совета, советник короля и человек, у которого не бывает лишних мыслей, — думал о цвете чужих глаз.

И не мог объяснить себе — почему именно этот цвет.

* * *

Медальон лежал в нижнем ящике стола — там, где Боримор держал вещи, которые не нужны, но выбросить нельзя. Старый, потемневший, с цепочкой, давно потерявшей блеск. Он не помнил, как достал его. Просто обнаружил в руке — и пальцы уже привычно обводили контур овальной крышки, выщербленной с одного края.

Сотни раз. Наверное, тысячи.

Он сел у окна, не зажигая свечей. Темнота снаружи была плотной, без луны, и комната утонула в сумерках, которые казались почти осязаемыми — как ткань, которую можно потрогать.

Медальон не открывал. Не нужно — помнил наизусть, что внутри. Крошечный портрет, написанный не лучшим художником, но с такой точностью в мелочах, что смотреть на него всегда было больно. Золотистые волосы. Приподнятый угол рта — не улыбка, а её предчувствие. И глаза — того редкого оттенка, который он за двадцать лет так и не встретил ни у кого другого.

Серо-зелёные. Как море перед штормом.

Её звали Эйра.

Она появилась в замке однажды осенью — говорила, что заблудилась, ищет дорогу в соседнее графство. Боримор тогда ещё смеялся над такими вещами. Он провёл её через главные ворота сам, велел накормить и оставить на ночь, потому что дорогу размыло дождём. Она осталась на три года.

Он не понимал, как это случилось. Точнее, понимал — но это понимание не укладывалось ни в какую магическую теорию, которой он посвятил жизнь. Просто однажды она стала частью его дней так же неотменимо, как утренний свет в этих же окнах.

Смеялась слишком громко для придворной дамы. Спорила с ним о вещах, в которых ничего не понимала, — и в половине случаев оказывалась права. Однажды в три часа ночи разбудила его, чтобы показать, как снег падает на внутренний двор.

— Посмотри, — сказала она, — он падает почти беззвучно. Ты когда-нибудь слышал, как падает снег?

Он не слышал. Он умел слышать магию в камне, в воздухе, в крови — но снег всегда был просто снегом.

С ней он стал слышать снег.

А потом — одна ночь. Он вернулся из поездки к королю, и её не было. Ни вещей, ни записки. Только смятая постель и пустой крючок у двери, где висел её дорожный плащ. Слуги видели, как она уходила на рассвете — быстро, налегке, никому ничего не объяснив.

Он искал. Долго. Исчерпывающе — так, как умел искать только он. Ничего.

Эйра просто вышла из его жизни, как выходят из комнаты, плотно прикрыв за собой дверь.

Позже — много позже — до него дошли слухи. Обрывки, неточные, через третьи руки. Что она была в положении, когда уходила. Что родила девочку где-то на севере. Что исчезла снова — уже без ребёнка.

Он пытался проверить. Следы обрывались. Ребёнок не нашёлся — ни живой, ни мёртвый. Просто не нашёлся.

Дочь.

Боримор закрыл пальцы вокруг медальона плотнее. Металл был холодным.

Он построил целую теорию за эти годы — стройную, логичную, успокаивающую. Девочка выжила. Выросла где-то под чужим именем. Может быть, счастливо. Может быть, никогда не знала, чьей дочерью является. Это было бы даже к лучшему — он не был уверен, что дал бы ей что-то ценное,

кроме титула и вечно пустого замка.

Теория работала. Он умел в неё верить — в хорошие дни.

И тут — эти глаза.

Он не хотел об этом думать. Уже не хотел — целый час назад, когда впервые поймал себя на том, что смотрит на девочку слишком внимательно. Серо-зелёные, с тем же светом изнутри, который он двадцать лет назад не умел назвать, а теперь знал точно: это не цвет, это характер. Так смотрят люди, которым мир интересен сильнее, чем страшен.

Так смотрела Эйра.

Совпадение.

Он сказал себе это твёрдо. Цвет глаз — не редкость, просто ему казалось редкостью, потому что он слишком долго помнил. Девчонка пришла из другого места, из другого мира — это само по себе достаточно странно, чтобы воображение начало дорисовывать несуществующее. Разум ищет паттерны там, где их нет. Это старая ошибка, он знал о ней ещё до того, как стал магом.

Он слишком много раз надеялся. Слишком много раз обнаруживал, что надежда — плохой советчик.

Боримор резко поднялся и положил медальон обратно в ящик. Крышка закрылась с тихим деревянным щелчком.

За окном темнота была всё такой же плотной. Где-то над горизонтом — там, где, если верить его расчётам, находилась западная граница королевства, — магия воздуха ощущалась чуть иначе. Тоньше. Холоднее.

Метью не спешил. Но и не останавливался.

Боримор стоял у окна ещё несколько секунд, потом от-
вернулся. У него было достаточно реальных проблем, чтобы
тратить ночь на призраков.

* * *

Боримор отодвинул бумаги на край стола — движением
намеренным, почти церемониальным.

Хватит.

Он сел прямо, положил ладони на тёмное дерево столеш-
ницы и позволил плечам опуститься ровно на столько, сколь-
ко позволяло достоинство. Камин за спиной давал тепло, но
не свет — мало, как всегда в это время суток, когда дрова
проседали в угли. Пара свечей на столе делала то, что могла.

Он думал слишком долго не о том.

Верховный маг Джон Боримор закрыл глаза на три секун-
ды — именно три, не больше, это было что-то вроде дисци-
плины, выработанной ещё в юности — и открыл их снова.
Перед ним был стол. Бумаги. Чернильница с пером. Обыч-
ные вещи обычного вечера, не имеющие никакого отноше-
ния к цвету чьих-то глаз.

Итак.

Совет. Когда-то их было семеро. Семь магов, семь голо-
сов, семь разных точек зрения на то, что угрожает королев-
ству и как с этим справляться. Иногда это превращалось в
настоящую катастрофу — семь упрямых человек редко со-
глашались друг с другом без споров, затягивавшихся до рас-

света. Боримор помнил, как злился на эти споры. Как думал про себя: было бы проще, если бы решение принимал один. Теперь он принимал решения один.

И это было не проще.

Метью набирал силу. Это не была паника, не домысел и не ночной страх немолодого человека, привыкшего бояться темноты, — это был факт, который Боримор собирал по крупицам уже восемь месяцев. Дозорные на восточных рубежах докладывали об аномалиях. Маленькие деревни замолкали — не разрушались, просто переставали отвечать на запросы, а когда посланники добирались туда, находили людей живыми, но словно бы пустыми. Стёртыми. Трава у колодцев чернела, хотя засухи не было. Животные уходили из леса ещё до того, как кто-то успевал понять, от чего именно.

Тьма не объявляла о себе. Она просто расширялась.

Боримор потянулся к перу, провёл пальцем по ребру — машинально, без смысла. Семеро магов Совета были бы сейчас необходимы. Семеро или хотя бы трое. Хотя бы один, которому можно сказать вслух: я не знаю, успею ли. И получить в ответ не слова утешения, а честный взгляд человека, который тоже не знает, но намерен попробовать.

Он поставил перо на место.

Портал.

Боримор заставил себя думать об этом как о задаче. Не как о странной девушке с её растерянностью и вопросами, которые она задавала так, будто мир был устроен принципи-

ально иначе — а он, вероятно, и был. Не как о чём-то неудобном, что зацепилось в памяти и теперь не отпускало. Как о задаче.

Портальная магия имеет законы. Не правила — именно законы, в том смысле, что их нарушение невозможно, а не запрещено. Портал не открывается по случайности. Это звучит красиво, когда говоришь это ученикам на первом году обучения, и звучит правдой — потому что является правдой. Переход между мирами требует либо намерения, либо резонанса. Намерения у девушки не было — это он готов был допустить. Значит, резонанс. Что-то в ней откликнулось на нечто по ту сторону.

На что именно — вот вопрос, которым он должен заниматься.

Не тем, что у неё в глазах.

Если в ней есть сила, которую он пока не распознал — и сила достаточная, чтобы разорвать межмировую ткань, пусть даже случайно, пусть даже при помощи каких-то слов из книги, которую она читала, — то эта сила станет либо инструментом, либо угрозой. Не по злomu умыслу. Просто потому, что неконтролируемая сила всегда становится либо тем, либо другим. Метью это знает лучше, чем кто-либо. Он умеет находить незащищённое и встраивать его в свои планы прежде, чем кто-то успевает понять, что произошло.

Значит, девушка должна быть под наблюдением.

Именно так — под наблюдением. Он обязан понять при-

роду её силы раньше, чем это сделает кто-то другой. Раньше, чем слухи о портале разойдутся за пределы замка — а они разойдутся, слухи всегда расходятся. Раньше, чем она сама, не понимая, что делает, привлечёт внимание, которое ей не нужно.

Это был разумный расчёт. Прагматичный.

Боримор поднялся из кресла и подошёл к окну. Город внизу жил своей ночной жизнью — огни в окнах, далёкий лай собаки, силуэт стражника на угловой башне. Обычный вечер. Ничто не указывало на то, что к востоку что-то медленно чернеет.

— Я взял её под наблюдение, — произнёс он вслух. — Только под наблюдение.

Голос прозвучал ровно. Он умел говорить ровно — это был профессиональный навык.

Тишина ответила так, как отвечает только тишина в пустой комнате: никак. Без снисхождения и без осуждения. Просто пространство, заполненное словами, которые уже нельзя взять назад.

Боримор остался у окна.

Где-то в глубине замка, в одном из гостевых покоев, незваная гостья из другого мира, вероятно, уже спала — или не спала, потому что первая ночь в чужом мире редко бывает спокойной. Он не думал об этом. Во всяком случае, именно это он себе сказал.

Огонь в камине треснул, оседая в угли.

Донесение он отложил ещё днём — сразу, как принесли, не распечатывая. Теперь, когда в коридорах стихли шаги и единственным звуком осталось потрескивание свечи, Боримор взял свиток и сломал печать одним движением.

Писарь был аккуратен до занудства. Ровные строки, никаких сокращений, дата в левом углу. Деревня называлась Совар — маленькое, никому не нужное место у западного рубежа. Жители вернулись с ярмарки в соседнем городке и не нашли ничего живого. Скот лежал в загонах без видимых ран. Колодцы — оба — обросли чёрным налётом, от которого уже третий день отказываются отходить кони.

Боримор прочёл дважды. Потом сложил свиток и положил его на стол.

Карта висела на стене между окнами — большая, в человеческий рост, испещрённая его собственными пометками. Он встал, взял уголёк из чернильницы — он давно перестал ставить отметки чернилами, пятна слишком похожи на кровь — и нашёл Совар по памяти. Чуть севернее Истовых гор, у излучины реки.

Поставил точку.

Отступил на шаг и посмотрел на карту так, как смотрят на шахматную доску в середине партии — когда ещё нельзя сказать, кто проигрывает, но уже понятно, что кто-то проигрывает.

Восемь точек. Восемь деревень за полгода.

Первые три он счёл случайностью — приграничные районы всегда полны своей мелкой тьмы, старых мест силы, забытых захоронений. Четвёртая и пятая заставили его написать запросы соседним магам, но запросы ушли в пустоту: магов больше не было. Шестая убедила его выехать лично — он провёл три дня у почерневшего колодца, читая следы, и не нашёл ничего, кроме ощущения, что место смотрит в ответ. Седьмая пришла, пока он ещё возвращался.

Теперь восьмая.

Он взял угольник — обычный, деревянный, каким пользуются чертёжники — и приложил к карте. Провёл воображаемую дугу через все восемь точек. Рука не дрогнула, хотя дуга выходила именно такой, какой он боялся. Плавной. Сходящейся.

Метью не бил хаотично. Он рисовал.

Боримор отошёл от карты и сел в кресло у камина, который давно не разжигал — так, по привычке, к месту, где огонь должен был быть. В холодном очаге лежала прошлогодняя зола.

Он думал о Метью.

Не о том Метью, которого видел в донесениях и слухах — тёмный маг, бывший король, враг, угроза. О том, которого знал прежде. Умный человек. Терпеливый. Боримор никогда не уважал его методы, но уважал его ум — а это разные вещи, и разница между ними теперь стоила ему сна.

Умный, терпеливый человек, который потерял всё. И у ко-

того теперь только одна задача.

Метью не торопился.

Вот что было страшнее всего остального. Не масштаб, не мощь — Боримор мог бы работать с масштабом и мощью, для этого существуют методы. Страшно было то, что тьма двигалась медленно, как прилив, и у неё, судя по всему, было достаточно времени. Она ждала. Ждала, пока Совет окончательно распадётся — уже распался. Ждала, пока союзники отдалятся — уже отделились. Ждала, пока Боримор останется совсем один.

Он посмотрел на свои руки. Немолодые руки, с вьёвшейся в костяшки темнотой от многолетней работы с заклинаниями.

Один маг против тьмы, которая движется дугой к столице.

Он мог продержаться. В этом не было сомнений — он был достаточно силён, чтобы не обманываться насчёт своих возможностей. Он мог встретить Метью лично, мог вступить в противостояние, мог, вероятно, его остановить. Но что потом? Любое знание умирало вместе с ним. Любой метод, любой ритуал, любое понимание природы этой конкретной тьмы — всё исчезало, если он падал раньше, чем успевал передать.

Вот о чём он думал с шестой точки на карте. Может быть, раньше.

Ему нужен был ученик.

Не слуга — у него хватало слуг, и ни один из них не мог

удержать в голове даже базовую формулу закрытия границы. Не солдат — армия умела многое, но не то. Маг. Кто-то, кому можно передать не просто набор заклинаний, а способ думать о тьме. Кто-то, кто останется после.

Он принял это решение сегодня вечером.

Боримор медленно поднялся и снова подошёл к карте. Смотрел на дугу из восьми точек — аккуратную, почти геометрически правильную. Метью любил порядок, это тоже было частью его ума.

Девятая точка ляжет чуть восточнее, если дуга сохранит радиус. А десятая — уже в пределах трёх дней пути.

Он думал, что берёт ученицу из расчёта. Из холодной необходимости, потому что карта требовала решений, а решения требовали людей. Это был правильный, разумный довод, и он повторял его себе с той минуты, как сказал девушке «останешься».

Теперь, стоя один перед картой с угольком в руке, он не был уверен.

Расчёт был настоящим. Угроза была настоящей. Восемь точек на карте никуда не девались.

Но было ещё что-то — лёгкое, почти невесомое, вроде занозы под кожей — и он не знал, как оно называется, и не хотел знать.

Уголёк он положил обратно в чернильницу. Свиток с донесением убрал в нижний ящик стола, к остальным семи.

Свеча почти догорела.

* * *

Огонь погас.

Боримор не помнил когда. Встал — скорее по привычке, чем по нужде, — подошёл к камину и уставился на чёрную пасть, в которой не осталось даже угольков. Только серая зола и тишина. Где-то за окном прошёл ветер — не сильный, просто напоминание о том, что ночь не кончилась.

Он долго стоял так. Смотрел в пустой камин, как будто огонь мог вернуться сам по себе, если смотреть достаточно долго.

Он не вернулся.

Боримор отвёл взгляд.

Девушка. Арианна. Из другого мира — это было написано на ней так же явно, как герб на щите: удивление не напускное, растерянность не притворная, и этот взгляд, которым она смотрела на всё вокруг, — взгляд человека, которому подменили привычный мир без спроса. Таких не подделать. Он видел многих лжецов, умелых и не очень, и умел их различать с первого слова.

Она не лгала. Она не понимала, где оказалась.

Это само по себе ещё ничего не значило.

Возраст — вот что зацепило его первым. Восемнадцать, или около того. Он пересчитал мысленно: семнадцать лет назад Аника исчезла в самом начале зимы. Семнадцать лет, если считать по-местному. Разница в полгода — туда-сюда. Время в других мирах движется не единым шагом.

Он потёр переносицу.

Совпадение. Просто совпадение. Таких совпадений много.

Но глаза.

Карие — у большинства людей карие глаза, это ничего не говорит. Он сам в молодости насмотрелся на кареглазых и ни разу не терял из-за этого голову. Но дело было не в цвете. Дело было в том, как она смотрела чуть сбоку, когда думала, что её не видят — быстрый, оценивающий взгляд исподтишка, привычка держать информацию при себе и выдавать только нужное количество. Аника смотрела точно так же. Он говорил ей об этом однажды. Она засмеялась и сказала, что ничего подобного не замечает за собой.

А потом — жест.

Такая мелочь. Девушка подняла руку и убрала прядь за ухо: плавно, не глядя, как что-то сделанное тысячу раз. Один жест. Боримор почувствовал, что земля под ним стала чуть менее твёрдой.

Именно так делала Аника.

Точно так же. Та же рука. Тот же угол. Та же рассеянность в движении — как будто жест существовал отдельно от неё, сам по себе, и она об этом не знала.

Он отвернулся от камина. Прошёл к окну, встал боком, глядя во двор.

Там было темно. Факелы у ворот давали больше тени, чем света.

Он знал, что делает глупость. Мозг, натренированный на поиск закономерностей, умеет находить их там, где их нет. Это базовая ошибка — видеть знакомый силуэт в чужом лице, слышать знакомый тон в чужом голосе. Так работает горе, когда его не додумываешь до конца.

Он додумал своё давно. Семнадцать лет — достаточный срок.

Но имя всё равно возникло.

Он не произнёс его вслух — просто позволил ему несколько секунд существовать внутри, в том глухом пространстве за рёбрами, куда он прятал всё, чему не было места снаружи. Имя, которое он придумал ещё до рождения, когда Аника сказала ему о беременности тихо, почти шёпотом, и он впервые в жизни не нашёл слов. Имя, которое он так и не успел произнести вслух ни разу.

Оно прозвучало внутри — и затихло.

Боримор отошёл от окна.

Достаточно.

Он умел это — закрывать дверь, пока она не успела открыться полностью. Это был навык, который он оттачивал дольше, чем магию: убирать ненужное, пока оно не стало необходимым. Мысль об Арианне — красивая, разрушительная, абсолютно несвоевременная мысль — уткнулась в закрытую дверь и осталась снаружи.

Он не будет проверять.

Это было не решение — это было правило. Правило, ко-

торое он сформулировал за четыре шага от камина до окна и за столько же обратно. Если это она — это значит семнадцать лет молчания, которые нужно объяснить. Это значит Аника, которая знала и не вернулась. Это значит девочка, выросшая в чужом мире без отца, которая теперь смотрит на него и не знает, кто он такой.

Это значит — всё остановить. Переосмыслить. Переиначить.

А Метью не ждёт, пока Боримор переосмысляет.

Метью не ждёт ничего. Метью давно уже не ждёт — он движется, медленно и неотступно, как зима, которая неизбежна вне зависимости от того, готов ты к ней или нет. Совет мёртв. Братья по оружию — кто погиб, кто отступил, кто предпочёл не знать. Боримор один. И в этом «один» нет места для ошибок, которые стоят больше, чем ты можешь заплатить.

Он вернулся к камину.

Поднял руку. Короткое движение — не красивое, не торжественное, просто точное, как подпись под документом, который подписываешь уже тысячный раз. Огонь возник сразу, без предупреждения, охватил дрова деловито и без лишнего. Комната стала чуть теплее — на один градус, не больше, но этого было достаточно, чтобы пальцы перестали мёрзнуть.

Боримор опустился в кресло у камина.

Огонь гудел ровно. Дрова потрескивали. За окном ветер прошёл ещё раз — и стих.

Он закрыл глаза.

Не спать. Просто не смотреть на огонь, который напоминал о чём-то, о чём он решил не думать. Просто сидеть. Просто дышать ровно. Просто держать дверь закрытой — крепко, обеими руками, пока не рассветёт.

До рассвета было ещё долго.

* * *

Рассвет пробился в щели ставней прежде, чем Боримор успел его заметить. Он лежал поверх покрывала, полностью одетый, и смотрел в потолок — в трещину, которую знал наизусть, в пятно сырости у карниза, в пустоту, которую давно перестал пытаться заполнить мыслями. Ночь миновала. Мысли наконец перестали биться о стены черепа, как птицы, попавшие в закрытый зал, и улеглись — не успокоились, нет, просто утратили лихорадочность и выстроились в подобие порядка.

Он сел.

За окном кто-то из конюших гнал лошадь по внутреннему двору — мерный стук копыт, привычный, как собственное дыхание. Боримор потёр лицо ладонями, ощутив под пальцами щетину — тоже непривычную, тоже напоминающую, что ночь прошла иначе, чем следовало.

Итак.

Мысли выстроились, и он позволил им встать перед ним в ряд, как документы на столе: сначала — главное, потом — остальное.

Девушка.

Арианна. Из никуда, с именем на несколько слогов, с этим манером щуриться, когда не понимает, и с глазами цвета — он не дал себе договорить. Не сейчас. Сейчас — только расчёт.

Завтра — то есть уже сегодня, по сути, когда поднимется солнце — он проведёт стандартное испытание. Ничего сложного: шар концентрации, канал внимания, проверка отклика. Это определяет базовый потенциал без лишних слов и без лишнего вмешательства. Если отклик слаб — он направит её к Лувиону. Тот умеет с безодарёнными, у него терпения больше, чем требует его звание. Пусть занимается.

Если сильный...

Боримор встал и подошёл к окну. Приоткрыл ставень — ровно настолько, чтобы в щель пробился первый серый свет, и не больше. Двор был почти пуст. Конюший уже скрылся за углом конюшни.

Если потенциал сильный — он оставит её при себе. Это разумно. Время нынче не располагает к роскоши упустить сильного мага. Метью не ждёт. Тьма не ждёт. Совет мёртв, советоваться не с кем, рассчитывать приходится только на то, что есть — и, возможно, на то, что случайно принесло ветром из другого мира.

Прагматика. Только прагматика.

Он повторил это мысленно ещё раз — не потому что не верил, а потому что одного раза оказалось мало.

А потом — будто кто-то в глубине сознания открыл дверь, которую он весь вечер держал закрытой — пришла другая мысль. Не запланированная. Не удобная.

Если это она — я узнаю по Дару.

Магия жизни и смерти не бывает случайной. Это не та сила, которую подбирают на дороге, не та, что может прийти сама по себе, без корня, без крови. Он знал это лучше, чем кто-либо в этом королевстве — именно потому, что знал одного человека, у которого она была. Одного. И у кого она могла появиться — если бы нашлась.

Он запрещал себе думать об этом уже много лет. Запрет давно превратился в привычку, привычка — в нечто похожее на стену, и стена эта держалась исправно. До вчерашнего вечера.

Боримор отвернулся от окна.

На столе, под стопкой бумаг — карты, письма, расчёты, дела, у которых не было конца, — лежал медальон. Он сам не мог бы ответить, когда достал его. Может, ночью, когда не спал. Может, раньше. Серебро потемнело — не от небрежения, просто время так обращается с вещами, которые слишком долго не видят света.

Он взял медальон двумя пальцами, не раскрывая. Знал, что внутри. Помнил наизусть — так же, как трещину в потолке.

Потом подошёл к бюро, выдвинул нижний ящик — тот, в котором хранились вещи, не нужные в повседневном обихо-

де, но выбросить которые нельзя. Положил медальон на дно. Задвинул ящик. Прижал ладонью крышку бюро, будто запечатывая.

Подальше от глаз.

Подальше от себя.

За окном рассветало всерьёз — небо из серого становилось жемчужным, и в щель ставня теперь тянуло не ночным холодом, а той неопределённой сыростью, которая предшествует утру. Где-то в глубине замка начали просыпаться — хлопнула дверь, послышались голоса слуг, далёкий звон.

Боримор стоял у бюро и не двигался.

Сегодня он проведёт испытание. Посмотрит, на что она способна. Примет решение — взвешенное, спокойное, основанное на фактах и только на фактах. Никакого цвета глаз. Никаких совпадений, которые ничего не значат, потому что совпадения всегда ничего не значат. Он прожил достаточно, чтобы знать: надежда — плохой инструмент для тех, кто привык работать с точностью.

Он так думал.

Но стоял у задвинутого ящика и не двигался — и сам не мог ответить себе, чего боится больше: что утреннее испытание ничего не покажет и Арианна окажется просто девушкой из ниоткуда, случайной, чужой, без корня и без крови, которую он передаст Лувиону и забудет к следующей неделе.

Или что покажет именно то, чего он не давал себе ждать уже семнадцать лет.

Глава 5. Первый урок

Коридор оказался длиннее, чем Арианна ожидала.

Она шла, считая про себя двери — четыре, пять, шесть — и пытаясь запомнить ориентиры на обратную дорогу. Слева тянулся ряд гобеленов: тёмных, выцветших по краям, с фигурами людей в плащах, которые стояли в каком-то торжественном полукруге. Лица у всех были вышиты без подробностей — просто пятна телесного цвета, и у Арианны от этого было лёгкое неуютное чувство, будто за ней наблюдают, но не смотрят. Справа — глухая стена из тёмного камня, мокроватая у основания. Откуда-то тянуло травами: чем-то сухим и горьковатым, чуть похожим на полынь, но не совсем.

И тишина.

Не та тишина, когда просто нет звуков. Такая, которая сама по себе весит. Арианна поймала себя на том, что старается ступать тише, — и почти разозлилась на себя: с чего бы ей красться? Она шла на урок, а не на допрос.

Хотя разница, говоря откровенно, пока была не очевидна.

Слуга — молчаливый мужчина лет пятидесяти, который вывел её из отведённых покоев и указал нужное направление — сказал просто: «Покои мастера в конце крыла, дверь с медным кольцом». Медное кольцо Арианна увидела заранее: оно поблёскивало в дальнем конце коридора, как монетка на дне колодца.

Она остановилась перед дверью.

Постучать или войти? В замке она жила третий день и до

сих пор не разобралась, какие тут правила вообще. Вчера она открыла не ту дверь и обнаружила там что-то среднее между библиотекой и складом — стопки пергаментов, банки с чем-то тёмным на полках, и запах настолько острый, что глаза слезились ещё в дверях. Дверь она поспешно закрыла обратно.

Сейчас она подняла руку и постучала — коротко, три раза.

— Войдите, — раздалось с той стороны.

Голос был ровный и ни в каком смысле не приглашающий.

Арианна вошла.

Комната оказалась просторнее, чем она ожидала. Стол у окна, заваленный книгами и какими-то предметами, которые она с порога не успела разглядеть. Два кресла у низкого очага. Огонь горел, но тепла почти не давал — или Арианне так казалось, потому что сквозь единственное узкое окно тянуло холодом, и дыхание чуть туманилось при выдохе.

Боримор стоял спиной к ней, у полки с книгами, и, кажется, не собирался оборачиваться.

Арианна остановилась посреди комнаты и подождала.

Пять секунд. Десять.

Он обернулся не спеша — так, будто закончил какую-то мысль и только потом соизволил вернуться в реальность. Посмотрел на неё без выражения. Молча указал на кресло напротив своего.

Арианна села.

Боримор опустился в своё кресло с той неторопливостью, которая у людей определённого склада читается не как медлительность, а как убеждённость, что спешить некуда — мир подождёт. Он сложил руки на колене и смотрел на неё. Просто смотрел.

Арианна выдержала взгляд секунд пятнадцать, потом взгляд бросила на очаг, потом снова на него.

«Ну», — подумала она. — «Хорошее начало. Очень информативно».

Огонь тихо потрескивал. Снаружи ветер прошёлся по стене замка и стих.

— Сегодня, — произнёс наконец Боримор, — я выясню одно. Есть ли в тебе магия. И если есть — какая именно.

Арианна кивнула.

— Это всё? — спросила она, и сама почувствовала, что тон получился чуть более сухим, чем она намеревалась.

Он не отреагировал на интонацию — ни нахмурился, ни смягчился.

— Это достаточно, — ответил он. — Результат определит всё дальнейшее.

Арианна снова кивнула. Она умела молчать — в школе это качество не очень ценилось, зато сейчас казалось вполне уместным. Она сложила руки на коленях и ждала.

Боримор ещё несколько секунд смотрел на неё — изучающе, будто читал что-то, написанное мелким шрифтом прямо у неё на лбу. Арианна подумала, что хотела бы знать, что

именно он там видит. Или не хотела бы. Она ещё не решила.

Внутри у неё сидело что-то вроде любопытства и что-то вроде беспокойства, и они никак не могли поделить место.

«Допустим, никакой магии нет, — думала она деловито. — Допустим, он посмотрит и скажет, что я совершенно обычная девица из другого мира и ничего интересного из меня не выйдет. Что тогда? Обратно меня не отправят — портал, судя по всему, был разовым аттракционом. Значит, придётся устраиваться как-нибудь иначе. Вариант не самый весёлый, но и не катастрофа».

Она почти убедила себя, что это действительно не катастрофа.

Почти.

Боримор достал из кармана небольшой предмет — что-то плоское, тёмное, размером с её ладонь — и положил на подлокотник своего кресла, не объясняя. Потом снова посмотрел на неё.

— Не нервничай, — сказал он. — Это не больно.

— Я не нервничаю, — ответила Арианна.

Это была примерно половина правды.

Он чуть приподнял бровь — едва заметно — и Арианна подумала, что, возможно, он умеет читать оставшуюся половину.

«Прекрасно», — отметила она мысленно. — «Значит, к наставнику нельзя врать. Или можно, но надо учиться делать это лучше. Запомним».

* * *

Кристалл лежал между ними на столе — небольшой, чуть крупнее куриного яйца, молочно-белый, как вываренная кость.

Боримор поставил его аккуратно, без лишних слов. Потом отступил на шаг и сложил руки за спиной.

— Положи ладонь сверху. Не сжимай. Не думай ни о чём особенном. Просто дыши.

Арианна посмотрела на кристалл.

Просто дыши. Замечательно. Она и без того дышала — правда, немного чаще, чем следовало бы, и почему-то очень громко, как ей казалось. Весь кабинет слышит. Весь этот кабинет с книгами от пола до потолка, с пыльными шторами, которые, похоже, не открывали с прошлого века, и с магом, который смотрел на неё так, словно она — либо редкая находка, либо досадная ошибка, и он ещё не решил которая.

Она протянула руку.

Кристалл был прохладным под ладонью — не холодным, как камень, а именно прохладным, как кожа человека, который долго стоял у открытого окна. Арианна почти ожидала чего-то: покалывания, тепла, голоса в голове, любого знака, что в ней вообще есть что-то, способное разбудить этот белый кусочек неизвестно чего.

Ничего.

Она ждала. Боримор молчал.

Она скосила глаза в его сторону — он стоял с тем же вы-

ражением лица, что и всегда: закрытым, чуть утомлённым, как у человека, у которого много дел и одно лишнее. Смотрел на кристалл, не на неё.

Арианна снова уставилась на свою ладонь, лежащую поверх молочного стекла.

Ну и что теперь. Ничего и нет. Я обычный человек из Петербурга, у которого просто очень странная неделя.

Она почти успела выстроить в голове весь разговор — как он скажет, что произошла ошибка, как она спросит, можно ли обратно, как выяснится, что нельзя, — и тогда кристалл ожил.

Не постепенно. Сразу.

Сначала — тёплый золотой свет, который хлынул снизу, из самой глубины камня, как солнце сквозь мёд. Арианна успела подумать: *вот, значит, получилось, значит что-то есть* — и в ту же секунду поверх золотого лёг другой цвет: холодный, синий, почти лиловый у краёв, как небо в феврале за час до темноты.

Оба цвета горели одновременно. Не смешиваясь.

Арианна смотрела на это и не понимала, хорошо это или плохо, — просто красиво, просто странно, просто её ладонь в этом свете выглядела как чужая.

Она услышала резкое движение.

Боримор убрал руку от стола — Арианна не заметила, когда он успел её опустить, но теперь он стоял чуть дальше, чем секунду назад, и смотрел на кристалл. Его лицо было другим.

Не испуганным — нет, он явно был не из тех, кто пугается от кристаллов. Но что-то изменилось в том, как держалась его кожа вокруг глаз, вокруг рта. Стало натянутее.

Он был бледнее.

— Что это значит? — спросила Арианна.

Голос вышел ровным, и она мысленно себя похвалила.

Боримор молчал ещё секунду. Потом — коротко, не глядя на неё:

— Редкость.

И отвернулся к окну.

Арианна убрала руку. Кристалл погас сразу — как будто и не горел. Остался белым, скучным, ни на что не похожим.

Она смотрела на его спину. На то, как ровно он стоит. На то, как не двигается.

Редкость. Одно слово. Она успела до этого момента на-фантазировать себе разные варианты: что скажет «хорошо», или «посредственно», или «придётся работать», или хотя бы что-нибудь, из чего можно будет понять, на каком она свете. Вместо этого — одно слово и спина.

За окном кто-то шёл по двору, слышались шаги по камню. Потом стихли.

Арианна посмотрела снова на кристалл. Потом на Боримора.

Он всё ещё смотрел в окно. Или делал вид, что смотрит.

Она не знала, что хуже: если это означало что-то опасное, или если это означало что-то, от чего такой человек, как Бо-

римор, — человек, который, судя по всему, видел в жизни достаточно, — бледнеет и отворачивается молча.

Оба варианта были примерно одинаково неприятными.

Он не обрадовался, — поняла она наконец, и от этого понимания что-то в груди стало чуть тяжелее. Не потому что ей нужна была его похвала. Просто — хотелось бы, чтобы хоть что-то в этом мире шло по понятным правилам. Хотя бы одно.

Кристалл лежал на столе. Молчал.

* * *

Боримор подвинул кресло — не к окну, не к столу, а прямо напротив неё, ближе, чем Арианна ожидала. Сел. Долго смотрел — не изучающе, не оценивающе, а как-то иначе, будто взвешивал что-то, чего она не видела.

Она не выдержала первой.

— Вы так смотрите, словно я сейчас взорвусь.

— Возможно.

Арианна открыла рот и закрыла. Шутка это была или нет — непонятно. Лицо у него оставалось совершенно спокойным.

— Маги, — произнёс он наконец, — делятся на тех, кто работает с жизнью, и тех, кто работает со смертью. Это не метафора и не философия. Это устройство силы. Маг жизни чувствует, где живое ослабело, — и восполняет. Маг смерти чувствует, где живое держится из последних сил, — и решает, удержится ли оно дальше.

Он замолчал. За окном кто-то гнал лошадь по брусчатке — цокот затих вдали.

— Звучит как врач против... — Арианна на секунду задумалась. — Против того, кто не врач.

— Грубо, но направление верное.

— А те, у кого оба?

Он не ответил сразу. Посмотрел на свои руки — жест, которого она раньше у него не замечала.

— Редкость, — сказал он. — Из тех, кто нёс оба Дара, большинство не доживали до зрелого возраста. Не потому что их убивали. Потому что два течения в одном русле — это не сила вдвое. Это постоянное противоречие. Одно тянет к сохранению, другое к разрушению. Если не научиться чувствовать, где кончается одно и начинается другое...

— Что тогда?

— Тогда они переставали контролировать, что именно делают.

Арианна медленно выдохнула. В комнате было сухо и тепло — камин у дальней стены едва тлел, но тепло держалось. Она почему-то обратила на это внимание только сейчас.

— Значит, вам нужно понять, умею ли я их различать.

— Мне нужно понять, чувствуете ли вы их вообще.

Он встал. Прошёл к окну — не потому что там что-то было интересное, а просто чтобы встать, решила Арианна. Потом вернулся.

— Протяните руку. Ладонью вверх.

Она протянула.

— Я не буду объяснять, что делать. Просто... почувствуйте что-нибудь. Что угодно. Что есть внутри.

— Это очень конкретное задание.

— Арианна.

Она замолчала.

Закрывать глаза было бы глупо, решила она. Она смотрела на собственную ладонь — ничего особенного, обычная ладонь, немного замёрзшая, потому что она нервничала, хотя старалась не показывать. Что она должна была почувствовать? Тепло? Покалывание? В фэнтезийных книгах всегда покалывание или свечение, или откуда-то берётся уверенность, что всё получится.

Ничего такого не было.

Зато было что-то другое.

Трудно описать. Как будто где-то внутри — не в руке, не в груди, а вообще непонятно где — есть два разных потока. Она никогда не замечала их раньше, но сейчас, когда она попыталась прислушаться, они оказались очень очевидными. Один — тёплый, округлый, похожий на то, как бывает, когда долго держишь в руках горячую кружку и тепло постепенно проникает в пальцы. Другой — острый, очень тихий, почти неслышимый, как звук, который слышишь только когда в комнате наступает полная тишина.

Она попыталась потянуться к тёплому.

На ладони появился огонёк.

Маленький совсем — меньше свечного пламени, почти как спичка в самом начале. Оранжевый, чуть дрожащий. Она уставилась на него, и первой мыслью было совершенно идиотское: не горячо.

— Ой, — сказала она.

Огонёк качнулся от её выдоха.

— Я не знала, что так можно, — добавила она почти шёпотом, — то есть, я знала, что, наверное, что-то должно случиться, но не вот прямо... вот так.

Она почти засмеялась — не потому что было смешно, а потому что стало вдруг очень легко, как бывает после долгого напряжения, когда наконец отпускаешь. Огонёк на ладони стал чуть ярче.

Боримор не сказал ничего.

Она подняла на него взгляд — и смех не случился.

Он смотрел на огонёк. Не на неё — именно на огонёк. Лицо у него было такое, что Арианна не смогла бы точно описать это выражение, если бы её спросили. Не страх — он явно не из тех людей, кто боится. Не удивление. Что-то более тихое и более тяжёлое. Как будто он узнал что-то, что давно подозревал, но очень хотел ошибиться.

— Боримор?

Он поднял правую руку — лёгкое, почти незаметное движение — и огонёк погас.

Просто погас, без дыма, без хлопка. Будто его никогда не было.

— На сегодня достаточно.

Арианна опустила руку.

— Но я только начала. И у меня ещё есть...

— Достаточно.

Голос не был резким. Именно это и было странно — он говорил совершенно ровно, как будто объявлял конец урока по расписанию. Не раздражённо, не напуганно. Просто: всё, хватит, урок закончен.

Арианна смотрела на свою ладонь — теперь пустую, обычную, чуть влажную от нервов.

— Вы придёте завтра? — спросила она.

— Да.

— И объясните...

— Завтра.

Он уже шёл к двери. Она смотрела ему в спину — прямую, в тёмном камзоле, ни единой лишней складки — и пыталась понять, что только что произошло. Она сделала что-то правильно. Она точно сделала что-то правильно — огонёк появился, и он был настоящим, и он был её.

Но почему тогда казалось, что она сделала что-то не так? Дверь закрылась почти беззвучно.

Арианна опустила взгляд на ладонь ещё раз. Потом сжала её в кулак.

За окном снова цокали копыта — или это был другой всадник, или тот же самый вернулся. Непонятно. Огонь в камине тлел, и в комнате было тепло, и совершенно некого бы-

ло спросить, почему наставник смотрел на крошечный огонёк в ладони своей ученицы так, словно это была последняя вещь, которую он хотел увидеть.

* * *

Она не ушла.

Это была, наверное, глупость — стоять вот так, посреди кабинета, пока Боримор собирал со стола какие-то бумаги с таким видом, будто разговор давно окончен. Будто всё, что нужно было сказать, уже сказано. Но Арианна помнила его лицо — то короткое, почти незаметное мгновение, когда он побледнел. Именно побледнел, не нахмурился, не удивился — побледнел, как от плохой новости.

Такое не бывает просто так.

— Почему вы так смотрели? — спросила она.

Боримор не поднял головы.

— Иди отдыхать, Арианна.

— Я сделала что-то не так?

Теперь он остановился. Рука с бумагами замерла над столом — на секунду, не дольше — и всё же Арианна это заметила.

— Нет, — сказал он наконец. — Ты сделала всё правильно.

— Тогда почему вы смотрели на меня так, будто я сломала что-то важное?

Тишина в кабинете была особенная — плотная, как ткань. За окном ветер трогал ставни, где-то далеко во дворе перего-

варивались слуги, и всё это звучало очень далеко, как через воду. Арианна стояла и ждала. Она умела ждать — в очередях, в коридорах больниц, в кабинетах, где взрослые делали вид, что не слышат вопросов. Умела молчать ровно столько, сколько нужно, чтобы человек не выдержал первым.

Боримор не торопился.

Он отложил бумаги. Прошёл к окну — не к тому, за которым был двор, а к узкому, выходящему на восток, где небо уже начинало темнеть по краю. Встал спиной к ней. Помолчал ещё немного.

— Есть люди, — сказал он наконец, — которые берут силу легко. Слишком легко. Как будто она уже была их — и просто ждала, пока её позовут.

— И это плохо?

— Это опасно.

Арианна сделала шаг вперёд.

— Почему? Если она моя — если я могу её удержать — разве не хорошо, что легко?

Боримор обернулся. В вечернем свете его лицо было ровным, почти безразличным — только глаза смотрели иначе. Не на неё, а как будто сквозь неё, куда-то дальше.

— Тот, кто легко берёт силу, — произнёс он медленно, точно взвешивая каждое слово, — редко понимает, что она берёт взамен.

Арианна моргнула.

— Что значит — берёт взамен? Вы говорили, что цены

нет. Что магия жизни и смерти не требует...

— Я говорил о физической цене, — перебил он. — О крови, об усталости. Да, её нет.

— Тогда о чём вы?

Он не ответил.

Просто смотрел на неё — и молчал с таким видом, будто ответ существует, но не предназначен для неё. Или предназначен, но не сейчас. Или — и это было хуже всего — она сама должна была до него додуматься, а он не скажет, потому что некоторые вещи нельзя объяснить, их можно только пережить.

— Объясните, — сказала Арианна. Тише, чем хотела. — Пожалуйста.

Что-то прошло по его лицу. Тень — или, может, просто облако за окном закрыло последний свет.

— Завтра продолжим, — сказал он. — Иди.

— Боримор...

— Иди, Арианна.

Голос был ровным. Не грубым, не злым — просто закрытым, как дверь, которую не открыть изнутри. И она поняла, что уже всё. Что можно ещё спрашивать, можно стоять здесь до утра — он не ответит. Не потому что не хочет. Или не только потому.

Она вышла.

Коридор встретил её сквозняком и запахом камня — холодным, чуть сырým. Арианна остановилась у двери, при-

слушалась. За ней было тихо. Ни шагов, ни шелеста бумаг. Ничего.

Ответ был, — поняла она. — Он его дал.

Просто не ей.

Или не сейчас. Или она ещё не та, кому можно отвечать — недостаточно знает, недостаточно понимает, недостаточно что-то ещё, чего она пока даже назвать не может. Тот, кто легко берёт силу, редко понимает, что она берёт взамен. Фраза крутилась в голове, как заноза — не болезненно, но и не отпускала. Что она берёт? Что может взять у неё магия, если не кровь и не силы?

Арианна не знала.

И это, пожалуй, было хуже, чем если бы он просто сказал: ты сделала что-то не так.

Она пошла по коридору, и каждый шаг отдавался в тишине чуть громче, чем должен был.

* * *

Голова была занята совершенно не тем, чем следовало бы.

Арианна шла по коридору и думала о том, как выглядело лицо Боримора в тот момент — когда он отступил на шаг и больше ничего не сказал. Не «хорошо», не «плохо», не «сделай ещё раз». Просто шаг назад, и молчание, которое было тяжелее любых слов. Она прокручивала это снова и снова, как заедающую пластинку, и не замечала ни каменных плит под ногами, ни того, что коридор слегка поворачивает, ни тени, мелькнувшей из-за угла.

Столкновение случилось раньше, чем она успела поднять глаза.

— Ой!

Кто-то налетел на неё с такой скоростью, что Арианна отлетела к стене и схватилась за неё рефлекторно — холодный камень ударил в ладонь. Книги — нет, никаких книг, она же не в университете — не рассыпались по полу, но воздух из лёгких вышел с коротким, некрасивым звуком.

Первым делом она услышала смех.

Не злой, не насмешливый — просто смех, искренний и немного захлёбывающийся, как у человека, которому и неловко, и очень смешно одновременно.

— Прости, прости, — сказала незнакомка, уже не смеясь, но с улыбкой, которая явно не собиралась никуда уходить. — Я всегда так в этом повороте. Там слепое пятно, я его каждый раз не учитываю. Ты не ушиблась?

Арианна потёрла ладонь о платье — успела привыкнуть к этим непривычным тканям — и посмотрела на незнакомку.

Девушка была примерно её возраста, может, чуть моложе. Рыжеватые волосы собраны небрежно, будто она начала что-то делать с причёской и бросила на полпути. Платье простое — то есть не простое совсем, Арианна уже научилась различать здешнее «простое» от настоящего, — но без особой помпы, без тех рюшей и оборок, которые она видела на придворных дамах в первый день. Взгляд прямой, любопытный, без тени той осторожности, с которой здесь обычно смотре-

ли на чужих.

— Не ушиблась, — сказала Арианна. — Я сама не смотрела.

— Ну и хорошо, что не смотрела, иначе уклонилась бы, и было бы совсем неинтересно, — незнакомка улыбнулась шире. — Я Лиза. А ты та самая девушка, которая появилась из ниоткуда и теперь учится у Боримора?

Арианна моргнула.

— Слухи расходятся быстро.

— В замке иначе не бывает. — Лиза пожала плечами с полным отсутствием извинений. — Так ты и есть?

— Арианна, — сказала она. — Да, та самая.

Лиза произнесла её имя вполголоса, попробовала на вкус — и в этом не было ничего снисходительного, только интерес.

— Красиво. Непривычно, но красиво. Откуда ты?

И вот тут у Арианны что-то слегка замерло внутри, потому что она до сих пор не очень понимала, что говорить. «Из другого мира» звучало безумно. «Из России» — бессмысленно. «Из Санкт-Петербурга» — вообще ни о чём.

Но Лиза смотрела так, будто любой ответ был бы ей одинаково интересен.

— Из очень далёкого места, — сказала Арианна осторожно. — Санкт-Петербург. Это... не из Элинора.

Она ждала вежливого непонимания. Или скептической паузы. Или того взгляда, который люди делают, когда не ве-

рят, но не хотят спорить.

Лиза сделала совсем другое лицо.

— Из другого мира? — спросила она, и в голосе было столько живого любопытства, что Арианна не сразу нашлась.

— Ну... да. Наверное.

— И как там? Там тоже есть магия?

— Нет, — Арианна помедлила. — Там... вообще нет. Со-
всем. Там всё по-другому — дома огромные, из стекла и кам-
ня, и они светятся ночью изнутри. Вместо лошадей — же-
лезные повозки, которые едут сами. И вместо... в общем, всё
устроено совершенно иначе.

Она осознала, что говорит слишком много, и прикусила
язык.

Лиза, однако, не выглядела растерянной. Она выглядела
так, будто Арианна только что рассказала ей что-то совер-
шенно захватывающее и теперь надо срочно услышать ещё.

— Железные повозки, которые едут сами, — повторила
она медленно. — И они не ломаются?

— Ломаются, — сказала Арианна. — Ещё как.

Лиза засмеялась снова — коротко, тепло.

— Значит, не так уж всё иначе.

Арианна поймала себя на том, что тоже улыбается. Это
было странно — после разговора с Боримором, после того
молчания, после всей тяжести сегодняшнего утра — вдруг
стоять в коридоре и улыбаться совершенно незнакомой ры-
жей девушке, которая врезалась в неё на повороте.

— Слушай, — сказала Лиза, и в её голосе появилась та же прямота, с которой она смотрела. — Ты ведь ещё ничего здесь не видела толком, правда? Кроме комнат Боримора и, наверное, вот этого коридора?

Арианна подумала.

— И ещё одного. Там, где кухня.

— Кухня не считается. — Лиза уже двигалась, делая шаг назад, в сторону того самого поворота. — Завтра с утра я тебе покажу замок. Нормально покажу, не как слуги — «это тронный зал, не наступайте», — а как он есть на самом деле. Там есть башня, с которой виден весь город, и ещё одно место, но про него потом.

— Подожди, — сказала Арианна, потому что разговор двигался как-то очень быстро, быстрее, чем она успевала за ним. — Ты...

Но Лиза уже была за поворотом — только голос ещё долетал, лёгкий и абсолютно уверенный в себе:

— Завтра после завтрака. Я найду тебя сама!

Арианна осталась стоять посреди коридора.

За окном в конце галереи клонилось к горизонту рыжее осеннее солнце — того же оттенка, что и волосы Лизы, подумала она ни к месту. Камень под ногами был старый, изноженный, и в нём были маленькие трещины, которых она раньше не замечала.

Она не успела ничего ответить.

Впрочем, её, кажется, и не спрашивали.

* * *

Город за окном не гас.

Арианна сидела на подоконнике, поджав ноги под себя, и смотрела на огни Элинора — жёлтые, чуть дрожащие, как пламя свечей, которым они, собственно, и являлись. Узкие улочки, черепичные крыши, где-то далеко башня с флагом, который она ещё не разглядела как следует. Красиво. Совершенно ненастоящее — и всё-таки вот оно, за стеклом, дышит и живёт.

Она прислонилась лбом к холодному стеклу. Дыхание оседало тонкой мутью.

Дома сейчас было бы начало вечера. Лиза — другая Лиза, подруга из общаги — наверняка грела чай и ругалась, что Арианна опять не ответила на сообщение. Мама, наверное, тоже звонила. Арианна представила это и немедленно почувствовала что-то острое под рёбрами — не боль, а предчувствие боли, которое хуже самой боли.

Она убрала ладони от колен и посмотрела на них.

Обычные руки. Чуть холодные. Никаких свечений, никаких знаков — только кожа и костяшки, которые она вечно разбивала о дверные ручки.

Сегодня из этих рук вышел свет двух цветов.

Кристалл был размером с куриное яйцо — гладкий, тяжёлый, тёплый, как будто у него был свой пульс. Боримор протянул его ей почти небрежно: «Держите. Просто держите. Ни

о чём не думайте — если сможете». Последнее прозвучало как оговорка, которую он тут же пожалел.

Она подержала. Подумала, что ни о чём не думать у неё не выходит примерно никогда. Подумала, что кристалл тёплый. Подумала, что пальцы немного занемели.

А потом что-то внутри — не в руках, глубже, где-то в середине груди — будто потянулось к этому теплу навстречу.

Свет вышел сам. Сначала золотой, мягкий, как солнечное пятно на полу. Потом — второй, поверх, темнее, с синевой, почти фиолетовый у краёв. Арианна смотрела на это и думала: надо же, красиво. А потом посмотрела на Боримора.

Он стоял в двух шагах. Лицо у него было правильное, закрытое — такое лицо, которое умеет ничего не показывать. Но он побледнел. Это Арианна заметила точно, потому что смотрела именно на него, а не на кристалл, — и у него побелели пальцы, которыми он держал книгу.

Он что-то сказал. Что-то про редкость. Про цену.

«Любая сила требует цены», — сказал он ровно. — «Чем сильнее дар, тем больше она возьмёт».

Арианна хотела спросить: какую цену, что возьмёт, у кого — но что-то в его тоне не приглашало к уточнениям. Тон был из серии: я сказал, и достаточно. Она промолчала.

Теперь она сидела на подоконнике и пыталась сложить из этого что-нибудь понятное.

Выходило плохо.

Два цвета — это много, это она уже поняла по тому, как

он смотрел. Маги, видимо, светятся одним. Или не светятся вообще — тут ей было сложнее судить. Золотой цвет — что-то живое, тёплое. Тёмный с синевой — что-то другое. Она перебирала в голове слова, которые он употреблял сегодня вскользь, почти незаметно: жизнь, смерть, равновесие.

Равновесие.

Она поняла, что не понимает ничего. Что всё это — кристалл, два цвета, его побелевшие пальцы — складывается в картину, у которой пока нет рамки. Может, рамка появится. Может, он скажет. А может, она поймёт сама — как поняла сегодня про тепло в груди, без всяких объяснений.

А может, это именно то, чего не надо понимать слишком рано.

Она выдохнула. На стекле осталось облачко пара.

Лиза появилась как будто случайно — вынырнула из-за поворота коридора с такой скоростью, что Арианна едва не отпрянула. Рыжая. Весёлая. Совершенно не похожа на то, чего Арианна ждала от дочери короля, — она не знала, чего именно ждала, но точно не этого: смешливой девчонки, которая немедленно сообщила, что слышала про неё «вот столько всего» и что это «очень интересно».

— Ты не страшная, — сказала Лиза с видом человека, разрешившего давний спор с собой.

— Спасибо, — ответила Арианна, потому что не нашлась с чем-то лучшим.

— Нет, правда. Говорили, что ты странная. Ну, странная — может быть. Но не страшная.

Арианна не обиделась. Странно, но нет.

Они простояли в коридоре минут десять — Лиза говорила охотно и легко, как человек, у которого мысли всегда опережают слова, и умудрялась при этом успевать спросить что-то про Арианну тоже. Не про магию. Не про кристалл. Не про то, откуда она и почему здесь. Про другое — любит ли она лошадей, видела ли закат с южной башни, знает ли, что в третьем дворе есть яблоня, которой триста лет.

Это было странно хорошо.

Арианна поймала себя на том, что улыбается — по-настоящему, не из вежливости.

Она давно не делала этого здесь. Может, вообще ни разу, если честно.

За окном огонёк в дальнем переулке мигнул и погас. Город приглушал себя, укладывался спать. Арианна смотрела на это и думала, что, наверное, надо тоже — лечь, закрыть глаза, выключить голову хотя бы до утра.

Утром будет урок.

Он снова придёт с книгами и с этим своим лицом, которое всё умеет прятать. И снова будет смотреть на неё вот так — чуть дольше, чем нужно, чуть пристальнее, чем объясняется простым интересом наставника к ученику. Как человек, который что-то знает. Что-то про неё — и не говорит.

Арианна не любила, когда про неё знают больше, чем говорят.

Но сегодня — сегодня она слишком устала, чтобы злиться. Кристалл, два цвета, Лиза с её яблоней триста лет, огни за окном — всё это лежало в голове тихой кучей, без порядка, и как-то не давило. Просто было.

Она сползла с подоконника. Постель была мягче, чем она привыкла, — перина, не матрас, и это всё ещё было немного странно.

Завтра разберусь, подумала она.

И почти сразу уснула.

Глава 6. Принцесса и чужестранка

Из зала для занятий Арианна вышла на шаткий манер — как будто только что переставила мебель силой мысли и не совсем рассчитала усилие. Руки гудели от кончиков пальцев до локтей. В голове стоял такой туман, что она на мгновение перепутала, в какую сторону открывается дверь.

Боримор не кричал. Не раздражался. Просто ставил задачу за задачей ровным голосом, и каждая следующая была чуть сложнее предыдущей — как ступени лестницы, которую кто-то проектировал специально для людей с очень длинными ногами. Арианна спотыкалась на каждой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.